

А. Меметов

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

Симферополь

«Анаюрт»

1993

А. МЕМЕТОВ

Доктор филологических наук, профессор

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

(Историко-лингвистический очерк)

Симферополь

«Анаюрт»

1993

Редактор С. К. СОСНОВСКИЙ

ISBN — 577074070—6

© Издательство «Анаюрт» 1993

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЭТНОС

Легче разложить атом, чем предрассудок.

Альберт Эйнштейн

ВВЕДЕНИЕ

Вплоть до наших дней не изжил себя наивный взгляд, согласно которому крымские татары — это прямые потомки монгольских завоевателей, проникших в Крым в XIII в. К сожалению, такая точка зрения находит свое отражение в научных трудах и в периодической печати. Вот пример из специальной работы, посвященной крымскотатарскому жилищу: «Татары пропикли в Крым в XIII в. в лице Кипчакской орды, ответвления Золотой орды»¹.

Ложное представление о происхождении крымских татар поддерживается и в ряде новых публикаций. Приведем два характерных примера. Из предисловия к серьезному крымоведческому изданию: «Крымские татары — один из народов, населявших Крымский полуостров с начала XIII в.»². Из газетной статьи, автор которой — профессиональный историк: «Различаются степные крымские татары — потомки ногайцев и южнобережные — потомки анатолийских тюрок, пришедших в Крым из Турции... Ногайцы — потомки тюркских и монгольских племен, с XIII века входивших в улус золотоордынского темника Ногая... Анатолийские турки — одно из племен, переселенное из Восточного Туркестана на Алтай...»³. Вот так, предельно просто, решена сложная проблема этногенеза крымских татар. Авторское резюме: «...Татары заселили Крымский полуостров в XIII веке»⁴.

*Ссылки на литературу см. в конце книги.

Подобные высказывания были бы верны лишь в двух случаях: 1) если бы монголо-татары в XIII веке не застали в Крыму местного населения и 2) если бы они истребили все население, которое там проживало. Как известно, ни то, ни другое не имело места. Напротив, на пути в Крым и при вторжении на полуостров монголотатары встретили сопротивление тюркского и тюркоязычного (тюркизированного) населения, грекоязычных и иных местных народов (потомки киммерийцев, тавров, скифов, сармат, аланов, готов, греков и др.), проживавших здесь с глубокой древности.

История и этногенез крымских татар до сих пор не были предметом специальных исследований. Однако целый ряд работ историков, археологов, антропологов и языковедов в той или иной степени затрагивают данные проблемы в связи с решением других основных задач. К числу их относятся труды В. Д. Смирнова, В. Х. Кондараки, В. В. Радлова, Н. А. Аристова, А. А. Куника, А. И. Маркевича, А. Н. Бернштама, А. Л. Якобсона, З. Ш. Навширванова, А. Н. Самойловича, Н. А. Баскакова, К. М. Мусаева, Л. Н. Гумилева, С. А. Плетневой, М. И. Артамонова, Н. Л. Эрнста, Г. А. Бонч-Осмоловского, О. Акчокраклы, А. А. Щепинского и других ученых.

Для выяснения этногенетического процесса крымских татар мы попытаемся кратко изложить историю заселения Крыма с древнейших времен на основе работ указанных авторов и других доступных нам источников.

Территория, на которой формировалась крымскотатарская нация, благодаря своему географическому положению, богатству и разнообразию природных условий с глубокой древности заселялась различными племенами. Эти племена смешивались друг с другом, входили в контакты с вновь прибывшими кочевниками, которые, оставаясь в завоеванной стране, переходили постепенно от кочевого к оседлому быту, включались в его культуру, как стоящую на более высокой ступени, и принимали его язык, иногда, наоборот, передавали свой, входя новым слагаемым в издревле происходивший этногенетический (народообразующий) процесс»⁶.

Цель нашей работы — наметить основные вехи этногенетического процесса крымских татар.

Глава I. Население Крыма до гуннского нашествия.

Древнейшими обитателями Крыма, известными нам по ассирийским и античным источникам, были киммерийцы. Пребывание их в Крыму подтверждается древними и средневековыми историками и их современниками⁶, а также дошедшими до нас сведениями о топонимах восточной части Крыма: «Боспор Киммерийский», «Киммерийские переправы», «Киммерийские стены», «Киммерик»⁷. Господство киммерийцев на юге нынешних Украины и России продолжалось с середины II тысячелетия до VII в. до н. э. «Срубная культура бронзового века и начала железа, — пишет А. И. Тереножкин, — вводит нас в глубочайшее прошлое истории киммерийских племен»⁸. Исследователи связывают киммерийцев и с рядом других археологических культур, такими, как катакомбная, кобанская, кизилкобинская... В языковом отношении киммерийские племена, по мнению В. И. Абаева, были иранцами⁹.

В середине VII в. до н. э. часть киммерийцев была оттеснена скифами из степной полосы в предгорья и горы Крыма, где их остатки образовали компактное население. Эти поздние киммерийцы известны под именем кизилкобинцев, которое дано им уже в наше время исследователями. Отсюда и название археологической культуры — кизилкобинская (по имени знаменитой пещеры Кизил-Коба близ Симферополя, где обнаружены первые памятники данной культуры).

Здесь же, в предгорном и горном Крыму, а также на Южном берегу, обитали тавры — об этом мы знаем от античных авторов. От тавров и происходит древнее название горной и прибрежной части Крыма — Таврика, Таврия, Таврида¹⁰. До наших дней сохранились и были исследованы остатки укрепленных убежищ и жилых построек тавров, их кромлехи — кольцеобразные ограды из вертикально поставленных камней, обозначавших места погребений, и таврские гробницы — «каменные ящики»¹¹.

С захватом Крыма скифами начинается новый период его истории, характеризующийся качественными изменениями в составе самого населения. Таково мнение исследователей. «Данные археологии показывают, что основу населения Северо-Западного Крыма теперь составляло население, пришедшее из Приднепровья. Об этом прежде всего говорит совокупность важнейших признаков сходства позднескифской культуры Северо-Западного Крыма с нижнеднепровской. Они выражаются в сходной топографии городищ, устройстве оборонительных си-

•

стем, планировании домов, приемах и технике кладки, формах лепной керамики, типе подкурганных катакомб»¹². Вместе с тем, вероятно, здесь сохранилась и какая-то часть прежнего населения, на что косвенно может указывать возобновление некоторых неукрепленных поселений.

В VI-V вв. до н. э., когда в степях хозяйничали скифы, на побережье Крыма основали свои торговые колонии выходцы из Эллады. Памятью о себе они оставили названия важнейших городов древности. Так, Пантикапей, или Боспор (современная Керчь), и Феодосия были построены колонистами из древнегреческого города Милета, а город Херсонес, расположенный в пределах нынешнего Севастополя, воздвигнут греками, переселившимися из Гераклеи Понтийской.

В первой половине V в. до н. э. в районе Керченского полуострова образовалось Боспорское рабовладельческое государство, столицей которого стал Пантикапей. Акрополь античного Пантикапея находился на горе Митридат, а неподалеку археологи раскопали знаменитые курганы Мелек-Чесменский и Царский. Внутри этих курганов обнаружены каменные склепы, уникальные памятники боспорской архитектуры, которые сооружены, как полагают исследователи, во второй половине IV в. до н. э.¹³

В состав Боспорского государства с конца V в. до н. э. входили также некоторые земли, населенные скифами и скифидеотийскими племенами. Во главе государства сначала находился греческий род Археанактидов (480—438 гг. до н. э.), который сменила греко-туземная династия Спартокидов (438—109 гг. до н. э.). Боспорское государство в период своего наивысшего экономического и культурного расцвета (IV-III вв. до н. э.) поддерживало тесные связи со степными племенами — скифами, сарматами и др. Значительная часть ввозимых из Греции и Малой Азии тканей, металлических изделий, керамики, оливкового масла и пр. переправлялась в этот период боспорскими купцами степным соседям взамен на скот, хлеб, меха, кожи, а также рабов.

Вытеснив киммерийцев из Северного Причерноморья (VII в. до н. э.), скифы захватили также Мидию, Сирию и Палестину, однако в начале VI в. до н. э. они сами были изгнаны оттуда мидийцами. По сообщению Геродота, основной территорией расселения скифов были степи между нижним течением Дуная и Дона, включая степной Крым и районы, прилегающие к Северному Причерноморью. Следы пребывания скифов отмечены и на Северном Кавказе.

Скифы, по свидетельству Геродота, делились на несколько племен. Господствующими среди них были скифы царские, жившие между Днепром и Доном; в степном Крыму и по правобережью нижнего Днепра обитали скифы-кочевники¹⁴.

К концу III в. до н. э. держава скифов значительно сократилась под натиском сарматов. Скифы были вынуждены перенести свою столицу из Поднепровья в Крым, где на реке Салгир (близ Симферополя) возник город Неаполь скифский, он же Неаполис (название греческое), основанный царем Скидуром. Наивысшего расцвета в Крыму позднескифское царство достигло во II в. до н. э., когда скифы в союзе с сарматами подчинили себе Ольвию, захватили часть владений Херсонеса в Северо-Западном Крыму и выступили против Боспорского государства, постепенно заселяя его и стремясь взять в свои руки внешнюю торговлю хлебом¹⁵.

Скифское государство в Крыму просуществовало до второй половины III в. н. э. и было уничтожено готами¹⁶, которые появились в Восточной Европе (по преданию, из Скандинавии) примерно в конце II — начале III в. н. э. Готы быстро захватили обширную территорию, вплоть до побережья Черного моря на юге, до низовьев Дона на востоке и Дуная на западе.

Носители скифского языка были известны античным авторам под названием скифов, сарматов, алан, роксалан и др. Связных текстов, к сожалению, на этом языке до нас не дошло, однако анализ сохранившихся в этнографических памятниках и у античных авторов собственных имен, топонимических и этнонимических названий дает основание относить их к иранским наречиям, представляющим собой самостоятельную северо-восточную ветвь иранской группы языков. Потомкам одного из скифо-сарматских наречий (именно аланского) исследователи считают осетинский язык¹⁷. Значительные группы сарматов в период раннего средневековья смешались с другими народами — славянскими, северокавказскими, в еще большей степени — с тюркоязычными племенами¹⁸.

Пробывание в южнорусских степях готов продолжалось сравнительно недолго. Под мощным натиском гуннов в IV в. они были вынуждены уйти в гористые и другие труднодоступные места Крыма¹⁹, где постепенно смешались с потомками тавро-скифов, а позже приняли участие в этногенезе крымско-татарского народа, что подтверждается этнографическими исследованиями в горном Крыму.

К историческим памятникам того периода относятся так называемые «пещерные города», расположенные в Бахчисарайском

районе и в зоне Севастополя на малодоступных скалистых мысах и останцах Внутренней горной гряды. Основало их абортингенное население, образовавшееся в результате ассимиляции тавров, скифов, сарматов, алан, греков, готов и др.²⁰.

Таким образом, население Крыма до вторжения гуннов представляло собой сложный этнический состав, в который входили потомки киммерийцев, тавров, скифов, греков, сарматов, алан, готов. Бесспорным является и тот факт, что между ними происходил интенсивный процесс смешения, о чем косвенно свидетельствуют встречающиеся в античных источниках термины «тавроскифы» и «скифотавры», а также археологические находки, в которых своеобразно переплетаются черты древнегреческой художественной культуры с культурой местного населения Крыма.

Глава II. Население Крыма после гуннского завоевания

Историческое движение на запад гунны²¹ начали во второй половине IV века.* Причины этого движения заключались в давлении избыточного населения на производительные силы, и как результат одно за другим совершались массовые вторжения азиатских варваров в государства Древнего Мира. «То были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, их способ производства требовал обширного пространства для каждого отдельного члена племени, как это имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Рост численности у этих племен приводил к тому, что они сокращали друг другу территорию, необходимую для производства. Поэтому избыточное население было вынуждено совершать те полные опасностей великие переселения, которые положили начало образованию народов древней и современной Европы»²².

На своем пути в европейские страны гунны, сломив сопротивление прикаспийских аланских племен и включив их в состав своей орды, двинулись вперед, опустошая сарматские поселения Кубани и Дона. Около 370 г. гунны «под предводительством Баламбера, их начальника»²³, действуя сообща с алан-

* Следует заметить, что отдельные отряды гуннов уже во II веке н. э. проникали далеко на запад, вплоть до Днестра, однако основная их масса в то время оставалась еще в Приуралье, главным образом среди угорских племен.

скими племенами, разгромили города Боспорского государства на Таманском полуострове и зимой, перейдя по льду Керченский пролив, напали на Пантикапей. Подчинив Боспорское государство, гунны обрушились на готов, занимавших южнорусские степи, которые представляли собой «удобные пастбища и потребную для форм хозяйства гуннов территорию. Естественной границей этой территории на западе был Днепр. Здесь и произошло столкновение гуннов с готами в 371 г.»²⁴.

Разгромив остготов и заставив вестготов²⁵ отступить во Фракию, гунны неоднократно вторгались в пределы Римской империи и разоряли ее города. Ставка главного гуннского вождя в этот период размещалась где-то в Северном Причерноморье. Как сообщает римский посол Олимпиодор, чтобы достичь ставки правителя гуннов, ему пришлось переправиться через Понт (Черное море)²⁶.

Наивысшего своего расцвета гуннское объединение достигает при Аттиле и лишь после его поражения на реке Марне (Матроне) в 451 г. в знаменитой Каталаунской битве могущество гуннов клонится к упадку. Силой оружия Аттиле удалось удержать под единым руководством огромную массу племен, социально и этнически с гуннами не связанных. Прииск Папийский, римский посол в стране гуннов, рассказывал, что, когда народ акатирь вздумал вступить в союз с римлянами, Аттила безжалостно перебил их большую часть, а других склонил к подчинению. Естественно, что первое же крупное военное поражение, которое потерпел Аттила, подорвало авторитет не только самого вождя, но и могущество всего союза в целом.

После смерти Аттилы в 453 г. (по другим источникам — в 454 г.) великая гуннская держава распалась. Часть гуннских племен (сциры, сарагуры, аланы) остались на Дунае и в Причерноморье²⁷, другая откочевала на восток, в Среднюю Азию, где их называли белыми гуннами (или эфталитами)²⁸. Этими двумя основными ветвями гуннов стали руководить сыновья Аттилы — Ирних и Денгизих. Ирних поселился сначала в Добрудже (Малая Скифия), однако вскоре был разбит готами; то же случилось и с Денгизихом, и гунны, ненадолго задержавшись у Днепра (названного ими «Гунновар»), вернулись в черноморские степи²⁹.

С распадом гуннского племенного союза Боспор с ближайшей территорией вновь попал под протекторат Римской империи, однако вся окружающая область вплоть до появления тюрок, т. е. до конца VI в., оставалась под властью гуннов, особенно усилившихся здесь, как указывает А. Л. Якобсон, во второй

половине V в., когда после распада державы Аттилы гуннские орды отхлынули из области Дуная на восток — в Приазовье и Таврику³⁰. О заселении гуннами территории Крыма после крушения их кочевого объединения проф. Ю. Кулаковский писал: «Готы были загнаны в горы надвинувшимися в Тавриду гуннскими ордами. Степные пространства полуострова оказались с тех пор в обладании гуннских орд»³¹.

Гуннское нашествие коренным образом изменило облик южной части Восточной Европы. Начиная с IV в. в степной полосе Крыма преобладающее положение заняли тюркоязычные племена, ассимилировавшие ее старое ираноязычное население. Смешение тюрков и угров с прежним населением Восточной Европы привело к образованию новых народов и новых этнических объединений. Таким образом, возникла новая этнографическая карта Восточной Европы, существенно отличавшаяся от прежней и в основных своих чертах сохранившаяся до наших дней³².

Относительно языка гуннов в распоряжении ученых нет достаточного количества материалов для окончательного включения его в ту или иную группу алтайской семьи языков. Однако на основании анализа сохранившегося незначительного количества лексических элементов, связанных с названиями родов и племен, собственными именами и пр., интерпретируемых как остатки гуннского языка, исследователи определяют его как один из древнетюркских и сближают с булгаро-хазарской группой. Акад. А. А. Куник указывает, что «тюркский элемент совершенно ясно выступает в Южной Руси... со времени гуннского нашествия, когда Алтай... стал высылать орду за ордой на Западную Азию и Черноморье»³³.

Иранские племена, впоследствии растворившиеся среди тюркоязычных предков крымских татар, оставили память о себе в виде большого количества лексических, грамматических и синтаксических элементов иранского происхождения, а также в области культуры и антропологии определенной части крымских татар.

Иранизмы в крымскотатарском языке представляют собой языковой субстрат. Они употребляются в жизненно важных сферах человеческой деятельности:

1) географические обозначения: **джиан** — мир, вселенная, **дерья** — море (диал. река), **земин** — почва, **чимен** — луг, **лужайка**, **чешме** — родник, **дере** — овраг, ущелье;

2) имена собственные: а) женские: **Гульемпе** — букв. цветок хлопчатника, **Рушен** — букв. светлая, ясная, сияющая, **Гуль-**

чере — букв. румяная, розоволикая, Гульджан — букв. цветок души, Диляра — букв. украшающая сердце, красивая; б) мужские: Дилявер — букв. приносящий сердце, смелый, храбрый, отважный, Дильшат — букв. веселый, радостный;

3) названия животных и птиц: сансар — белка, керкедан — носорог, самур — соболь, джанавар — хищное животное, хораз — петух;

4) анатомические названия: панджа — пятерня, чере — лик, лицо, джигер — печень, эндам — фигура, гердан — нижняя часть подбородка (у женщин), перчем — чуб, пучок волос;

5) календарные названия сезонов, дней недели: баарь — весна, чаршенбе — среда, базар — воскресенье, афта — неделя;

6) земледельческая лексика: а) виноградарство и садоводство: багъ — виноградник, багъча — сад, бадем — миндаль, зердали — урюк, нар — гранат (плод), шефтали — персик, инджир — инжир; б) бахчеводство, овощеводство и цветоводство: бостан — бахча, огород, чюкюндир — свекла, хыяр — огурец, туруп — редька, пирнич — рис, маш — маш (сорт чечевицы), гуль — роза, ляле — тюльпан;

7) названия строительных материалов, инструментов, зданий, сооружений и их частей: тахта — доска, джам — стекло, мых — гвоздь, кересте — строевой лес, киреч — известь, мала — мастерок, хане — комната, анбар — склад, амбар, чардакъ — чердак, сарай — дворец, замок, шеэр — город, кой — деревня, дивар — стена, пенджере — окно;

8) административная и военная лексика: пайтахт — столица, тахт — трон, палиша — царь, правитель, падишах, ребер — руководитель, зиндан — тюрьма, дженк — война, дженкявер — воинственный, тюрек — ружье, ферман — приказ;

9) названия профессий и ремесел: багъчеван — садовник, чиленгир — слесарь, дюльгер — плотник, эмшире — медсестра, уста — мастер, наставник, шегирт — ученик;

10) лексика торговли: базар — базар, рынок, базерьян — купец, пара — деньги, сермия — капитал, сбереженья, теразе — весы, паалы — дорогой;

11) названия предметов быта, одежды, обуви, украшений: килим — ковер без ворса, перде — занавеска, шторы, чувал — мешок, кисе — мешочек, кошелек, чекмен — верхняя одежда, къафтан — кафтан, папуч — домашние тапочки, купе — серги;

12) названия пищи, продуктов, напитков, кухонных принадлежностей: ленир — сыр, къошаф — компот, шыра — сок, сир-

ке — укус, **тава** — сковородка, **кевгир** — шумовка, **леген** — таз (медный), **шише** — бутылка;

13) лексика, связанная с разумом, характером, особенностями и свойствами человека: **серсем** — глупый, ненормальный, **дерт** — боль, недуг, **хаста** — больной, **хошнут** — радостный, веселый, **хышым** — гнев, ярость, **дост** — друг, **бушман** — враг, **хор** — униженный, оскорбленный, **перишан** — рассеянный, растрепанный, **пешман** — сожалеющий, **яр** — возлюбленный и т. д.

Расширение семантической структуры иранизмов, обозначение ими новых предметов и понятий реальной действительности, изменение первоначального значения иранизмов на новой языковой почве, вхождение их в синонимические, омонимические и антонимические отношения с исконными тюркскими и другими словами крымскотатарского языка — всё это свидетельствует о проникновении иранских слов в крымскотатарский язык еще в глубокой древности.

В VI в. на развалинах гуннской державы появляется новое объединение кочевников — авары, а термин «гунн» исчезает и sporadически встречается у некоторых историков более позднего времени в качестве анахронизма. Аварское объединение принято считать «историческим продолжением тех же кочевых племен юга России, которые в более раннее время входили в состав гуннского союза»³⁴.

С гунно-аварским объединением непосредственно были связаны утургуры (утигуры), кутургуры (кутригуры), сабиры (савиры) и другие племенные образования. Появившиеся на территории Восточной Европы племена гуры В. В. Радлов относил к восточно-тюркским, иначе уйгурским, племенам, которые под именем гуннов вторглись в Европу в IV в. Он полагал, что сарагур и оногур есть не что иное, как сара-уйгуры, т. е. «желтые уйгуры» и он-уйгуры — «десятиплеменные уйгуры»³⁵.

Утургуры и кутургуры назывались также гуннами-киммерийцами и составляли две ветви гуннского племени. Утургуры обитали в областях от впадения Дона в Азовское море и вплоть до Боспора Киммерийского. Они проникли в Крым, где столкнулись с готами-тетракситами и разбили их. Кутургуры занимали место между Тиссой и Дунаем³⁶.

Император Юстиниан, стремясь оградить свою империю от нашествия кутургуров, заключил союз с утургурами и разжигал вражду между этими гуннскими племенами. В свою очередь, они же, кутургуры, воспользовались появлением авар для того, чтобы натравить их на своих врагов утигур... между аварами и кутригурскими вождями был заключен военный союз и в ре-

зультате этого союза авары передвинулись, по-видимому, из северокавказских степей дальше на запад — в степи Причерноморья»³⁷.

Новое нашествие тюрков началось в середине VI в., т. е. после того как они закрепили свое господство в Средней Азии. «Один из первых турецких (тюркских) властителей Турксанф (Радлов транскрибирует... Тургаш) появился со своей ордой на нижней Волге, разгромил гуннские племена, занимавшие степи по обеим ее берегам, обрушился затем на алан и западных их соседей, утургуров, и с помощью последних проник на территорию Крыма, где и овладел городом Боспором»³⁸. О захвате Боспора в 576 г. и завоевании тюрками всей Таврии, кроме Херсонеса, который все еще оставался под покровительством римлян, имеются сведения и у Станислава Сестреневича-Богуса³⁹.

Описывая завоевание Крыма тюрками, М. И. Артамонов отмечает, что «Турксанф сын Истеми двинул многочисленное войско под начальством Бохана на завоевание Боспора, возле которого уже стояли утигуры под начальством своего вождя Анагея»⁴⁰. Так, взятием Боспора началась их война с Византией.

Междоусобная война в Западнотюркском каганате в 630—631 гг. сильно пошатнула мощь этой державы и дала возможность некоторым племенам освободиться из-под власти кагана. К этому периоду относится появление на исторической арене самостоятельного Хазарского царства, а в Северном Причерноморье вождю гунногундуров Кубрату удалось объединить под своей властью приазовских и причерноморских гуннов — болгар и создать так называемую Великую Болгарию.

Во второй половине VII в. власть хазар распространялась уже не только на степи Азовско-Каспийского междуморья, но и на всё Северное Причерноморье и даже далее, включая большую часть Крыма⁴¹.

Византия всеми силами старалась удержаться в Крыму. С этой целью Херсон* был превращен в мощную крепость: старые стены города были утолщены и надстроены. На Южном берегу Крыма сооружаются две новые крепости — Алуста и Горзувиты. На подступах к Херсону через горный Крым воздвигаются мощные укрепления Сюрень, Эски-Кермен, Мангуп (Дорос), Инкерман, Чуфут-Кале и др.⁴²

* Средневековое название Херсонеса.

Однако Византия, поглощенная в это время борьбой с арабами, не смогла оказать должного сопротивления хазарам, которые «проникли в Крым и заняли не только степную, но и южную часть полуострова, изолировав Херсон от его сельскохозяйственной периферии... Сам Херсон, надо полагать, уцелел за своими мощными стенами и через какое-то время наладил отношения с новыми хозяевами Крыма»⁴³.

Следовательно, молодая хазарская держава быстро овладела теми областями Причерноморья, которые издавна находились в сфере византийского влияния или даже входили в состав империи.

В начале VIII в. завоевательные походы арабов были направлены в районы Закавказья, которые в тот период находились под властью хазар. Сначала борьба арабов с хазарами шла с переменным успехом, затем арабам под предводительством Мервана удалось нанести поражение основным силам хазар и принудить хазарского кагана принять мусульманство. После ухода арабов хазарский каган отказался от ислама и принял иудейскую религию. Впрочем, это не помешало мусульманству распространяться среди населения Хазарии⁴⁴.

Известно, что в 774 г. «евреи бежали из Иерусалима от свирепости калифа Алманзора»⁴⁵ к берегам Черного моря, когда Таврией владели хазары, и были приняты последними дружелюбно. По-видимому, крымчаки как народность сформировались на основе именно тех евреев-переселенцев VIII в.

К VIII в. власть хазар распространялась не только на восточноевропейские степи, но и на прилегающие к ним с севера области, занятые славянскими племенами. На основании археологических данных можно заключить, что только со времени утверждения хазар в южной части нынешних Украины и России и под их прикрытием со стороны степей «славянское население расселяется из исконных своих областей в лесах Среднего Поднепровья, Волыни и Подолии в лесостепную полосу с ее черноземными просторами»⁴⁶.

Когда во второй половине IX в. происходит ослабление Хазарского каганата, этим не замедлили воспользоваться угры — мадьяры. Они прорвались из-за Волги в Причерноморье и в начале 60-х годов IX в. проникли в Крым⁴⁷.

Вслед за мадьярами в южнорусских степях появляются печенеги, которые в 895 г. в союзе с болгарами успешно выступают против мадьяр. «Как бы ни удачны были отдельные походы хазар против печенегов, — пишет М. И. Артамонов, — окончательно разгромить и вытеснить их из занятых областей

они не могли. Не могли хазары и подчинить печенегов своему влиянию, подобно тому, как они распространили его на мадьяр. Северное Причерноморье в X в. вышло из-под контроля хазар»⁴⁸.

Однако и печенеги недолго удержались в степных районах юга нынешних Украины и России. Под натиском славян, торгов (гузы) и, наконец, половцев, печенеги перекочевали к низовьям Дуная и остатки их племен в XII-XIII вв. слились с половцами.

В конце VIII — начале IX в. на Среднем Днепре вокруг Киева возникает самостоятельное государство — Киевская Русь. Преследуя политические цели, которые были связаны с торговыми интересами Руси, киевские князья организуют походы в Крым, на южное побережье Черного моря и на острова Эгейского моря, о чем сохранились сведения в житиях Стефана Сурожского, Георгия Амастридского, а также в прологе к житию преподобной Афанасии⁴⁹.

Киевская Русь еще более окрепла после объединения с Новгородом в последней четверти IX в. После захвата крепости Саркел (Белая Вежа) славянская колонизация достигла Керченского пролива, на берегах которого возникает Тмутороканское княжество. Белая Вежа на Дону и Тмуторокань на Керченском проливе обеспечили связи Руси с Кавказом и открывали путь из Днепра на Волгу, свободное плавание по которой было целью похода Святослава против болгар и хазар, державших эту реку в своих руках⁵⁰.

Однако междоусобная война в Киевской Руси привела к тому, что после 1094 г. о Тмуторокани ничего не слышно. Позже она упоминается под именем Матраха, но без всякой связи с Русью.

В середине XI в. в причерноморских степях появляется новый тюркоязычный народ — половцы (куманы). О первом появлении половцев в русской летописи говорится: «В том же (1054) году приходил на русь Болуш с половцами, а Всеволод заключил мир с ними, и возвратились половцы туда, откуда пришли»⁵¹. Но, как отмечает исследователь С. А. Плетнева, это было лишь начало сложной, полной «браков и битв, набегов и военных союзов» двухсотлетней истории двух народов⁵².

Расправившись с гузами и печенегами, половцы заняли господствующее положение в степях Восточной Европы и Западной Сибири, которые с XI в. стали называться половецкими (Дешт-и Кипчак). Половцы заселили также и всю степную часть Крыма вплоть до горной гряды, о чем свидетельствуют

старые топонимические названия⁵³ и тамги — знаки родовой собственности, обнаруженные на данной территории⁵⁴.

Остатки древних сармато-аланских племен, хазар, печенегов, гузов (торков) в южнорусских степях и в Крыму захлестнутые половецкой волной, потеряли свою политическую самостоятельность и этническое своеобразие и вошли в состав населения, формировавшегося в степной части Восточной Европы. Уже к хазарскому времени потомки сармато-алан подверглись тюркизации и говорили на тюркском языке. Об этом свидетельствуют надписи, вырезанные на камнях и стенах Маяцкого городища на Дону. Они написаны буквами тюрко-орхонского алфавита и читаются по-тюркски. Таким образом, носители этой культуры уже в хазарское время были, по-видимому, не иранцами, а тюрками по языку⁵⁵.

Со второй половины XI в., после распространения половцев до Дуная, новый приток тюрков в Южную Русь временно прекратился, так как в XI и XII вв., по мнению исследователя, «все свободные силы родов канглов и кипчаков устремились за счастьем и богатствами в армии сельджуков, завоевавших Иран, западную и малую Азию и Египет»⁵⁶.

Нашествие монголов на Дешт-и Кипчак в начале XIII в. привело к полному завоеванию половецких земель. По сообщению арабского историка Ибн аль-Асира, монголы «направились в земли кипчаков, одного из самых многочисленных племен тюркских, и губили всех тех, которые сопротивлялись им; остальные бежали в болота и на вершины гор, покинув землю свою»⁵⁷. Значительное количество половцев ушло в страну русов, где они в составе русского войска 31 мая 1223 г. приняли участие в битве с монголами.

В. Д. Смирнов отмечает, что монголо-татары впервые проникли в Крым в 1223 г. и разрушили город Судак, население которого оказывало им упорное сопротивление. В 1239 г. монголо-татары устроили второй погром Судака. Эти вторжения ими предпринимались «не то чтобы каждый раз для водворения вновь своего господства, а с целью поддержания своего прежнего престижа, который пытались было игнорировать местные правители»⁵⁸. Ну и, естественно, с целью грабежа: Судак был в то время самым богатым из торговых центров Крыма.

Итальянский путешественник XIII в. Плано Карпини, совершивший в 1245 г. поездку в Монголию — страну великого хана, писал, что в государстве Золотой Орды хан и его наместники могли брать из имущества подвластных им народов «все,

что они захотят, и сколько хотят»⁵⁹. Положение покоренных народов при золотоордынских ханах было чрезвычайно тяжелым. Завоеватели обложили их, в том числе и население Крыма, тяжелой данью — ясаком. Ясак, по свидетельству другого средневекового путешественника Виллема (Вильгельма) Рубрика, платил «каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец»⁶⁰.

Другим тяжелейшим последствием монгольского ига для половцев и других народностей был вывоз рабов и продажа их в другие страны. «Некоторые представители мамлюкских правителей Египта были кипчаками по происхождению, предки их были проданы из Дешт-и Кипчак в XIII веке»⁶¹. Виднейший египетский султан (бывший мамлюк) Бейбарс, поддерживавший тесные контакты с Крымом, выделил средства на строительство мечети, воздвигнутой в Старом Крыму в 1287 г.⁶²

Население Крыма не раз поднималось против своих поработителей. В 1299 г. жители Кафы (Феодосия) убили Актаджи, посланного своим дедом Ногаем в крымские земли для сбора подати. Услышав об этом, Ногай отправил в Крым большое войско, которое захватило город Кафу, «сожгло его, убило множество крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, аланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман (Херсонес), Кырк-Ер (Чуфут-Кале), Керчь и др.»⁶³.

Однако могущество золотоордынских ханов не было продолжительным. Уже в первой половине XV в. Золотая Орда, по существу, раскололась на ряд государств: в начале 20-х годов образовалось Сибирское ханство, в 40-е годы — Ногайская орда, тогда же Казанское и Крымское ханства, а в 60-е годы — Казахское, Узбекское и Астраханское ханства.

После завоевания монголами Таврии в первой половине XIII в. они в ряде мест вошли незначительным слоем в состав правящей феодальной элиты Крыма. Станислав Сестренцевич-Богуш писал: «Со времен вступления Татар в Таврию были в оной одни токмо удельные князья (выделено нами. — А. М.) сего народа, под именем Улуг-Бегов...»⁶⁴. После распада Золотой Орды остатки татаро-монголов в Крыму подверглись влиянию тюркской речи и были тюркизированы. Это произошло благодаря тому, что в Крыму до татаро-монгольского нашествия существовал довольно значительный процент тюркского и тюркоязычного местного населения.

Начиная с XVI в. в Бессарабии и к северу от Перекопского перешейка постепенно формируется более или менее устойчи-

вое ногайское население. В 1500 г. ногайцы, количество которых превышало 30 тысяч человек, опустошили Северную Бессарабию и обосновались в южной, в Буджаке, получив название Буджакской (Белгородской) орды⁶⁵. Миграция ногайского населения с Волги и Северного Кавказа, связанная с недовольством политикой своих правителей, междоусобными войнами за престол и частыми неурожаями, продолжалась и в XVII — XVIII в.в. Вот как трактует судьбу этого народа после присоединения Крыма к России В. В. Радлов: «Намереваясь поселиться на турецкой территории, они в конце прошлого столетия покинули северный Кавказ и отправились на Запад по северному берегу Черного моря... Они перекочевали в Турцию. Ныне ногайцы совершенно исчезли из Таврической губернии, за исключением отдельных лиц, поселившихся в Крыму, и нескольких десятков семейств, возвратившихся из последней перекочевки в Малую Азию и поселившихся в деревне Куят»⁶⁶.

В состав крымскотатарского народа ногайцы вошли, как мы видели выше, лишь последним незначительным слагаемым. Основой его послужили не они и не монголы, а то тюркское население Крыма, которое формировалось здесь в течение многих веков. Образование основополагающего ядра крымскотатарского народа относится ко времени распада Хазарского каганата и проникновения кипчаков в пределы Причерноморских степей и в Крым, т. е. к X-XI вв.

Современный крымскотатарский язык, согласно характеристике Н. А. Баскакова, по своим основным диалектам относится к кыпчакско-половецкой подгруппе кыпчакских языков⁶⁷. Определяя место крымскотатарского языка среди других тюркских языков, К. М. Мусаев включает его в западнокыпчакскую группу вместе с карачаево-балкарским, кумыкским и караймским языками⁶⁸. Лексико-семантический и структурно-грамматический анализ крымскотатарской лексики в сравнительно-историческом плане также приводит нас к заключению, что основу современного крымскотатарского языка, несмотря на многовековое турецкое влияние составляет кыпчакский слой⁶⁹.

У крымских татар, благодаря географическому положению и природным условиям Крыма, процесс этногенеза протекал особенно сложно. К счастью для исторической науки, этот процесс в большей своей части освещен различными письменными источниками. Исходя из последних, с помощью антропологических и археологических материалов, а также языковых данных, он может быть изучен в ближайшие годы. Чтобы избежать возможных недоразумений, следует сразу же отметить, что тюр-

ки, постепенно осваивая Крым, никогда не вытесняли и не истребляли полностью местных жителей, а просто смешивались с ними, образуя таким образом население с новыми признаками, как этническими, так и языковыми.

Характеризуя жителей Крыма, говорящих на крымскотатарском языке, исследователи выделяют три основные группы, которые отличаются друг от друга физическим типом, языковыми особенностями, строительством жилищ, одеждой и занятиями.

К первой группе отнесены жители Южного берега Крыма, в этногенезе которых приняли участие потомки древних этнически неоднородных племен: киммерийцы, греки, римляне, генуэзцы и др., а также турки, которые начали переселяться в Крым с XII в. Антропологически южнобережные крымские татары отличаются от степных татар отсутствием монголоидных признаков: они «высокого роста и крепкого телосложения, цвет лица у них смуглый, как у всех южных жителей, лицо овальное, продолговатое и очень приятное, нос прямой, нередко римский или греческий, волосы и глаза совершенно черные»⁷⁰.

В языке южнобережных крымских татар преобладают огузские элементы, поэтому исследователи при классификации тюркских языков включают их язык в южную (или огузскую) группу⁷¹. Б. А. Куфтин, который в 1923—1924 гг. изучал крымских татар, проживавших на Южном берегу Крыма между Байдарами и Судакком, отмечает: «Сильное влияние южнотурецкого османского языка отличает говор южнобережных татар от прочих татар Крыма... Почти на чистом южно-турецком языке говорят татары Алупки, Ялты, Гурзуфа, но татары горных деревень Судакского района отличаются резко выраженными диалектическими особенностями, напр., замена к мягкого через ч, к твердого (задненебного) через х, что частью может объясняться влиянием анатолийских наречий»⁷². Примечательно то, что указанная фонетическая черта характеризовала говор и местного греческого населения, значительная часть которого была выселена из Крыма в Мариуполь в 1778 г. В. Д. Смирнов не без оснований высказал предположение, что южное побережье Крыма было заселено еще в домонгольское время турками-сельджуками с малоазиатского побережья⁷³.

Жители предгорного Крыма именовали южнобережных татар татами. Этим именем, по наблюдению Б. А. Куфтина, называли себя и сами крымские татары наиболее глухих селений Судакского района из бывших генуэзских колоний, например, деревень Ускут, Шелен, Ай-Серез и др.⁷⁴. У крымских татар сохранилась пословица, которая характеризует татов как упря-

мых, непокладистых людей: таттыр — инаттыр «Тат — упрямый, своенравный». В настоящее время трудно сказать что-либо о происхождении и значении этнонима «тат». Однако можно предположить, что это остатки тюркизированных ираноязычных племен, сохранившихся в горной части Крыма.

Южнобережные крымские татары жили в основном в деревнях, которые были расположены недалеко от моря. Их саклеобразные дома с плоскими крышами имели ступенчатое расположение. «Своеобразный тип южнобережной деревни, — писал Б. А. Куфтин, — по своему происхождению не может быть сведен ни к обще-турецким степным формам, ни объясняться из тех влияний готских, аланских, скифских, которые естественно искать на почве Крыма. Сходство южнобережных построек с закавказскими и малоазиатскими заставляет относить появление и развитие их в Крыму к тому культурному слою, который, может быть, предшествовал появлению здесь скифов, первых греческих колоний и с которым связана древнейшая этническая история всего Средиземноморья»⁷⁵.

Особо надо сказать об одежде: она также не имеет ничего общего с костюмом кочевых и оседлых народов Средней Азии. Вместо свободных распахивающихся халатов с длинными рукавами, мы видим здесь очень короткие до пояса камзолы в обтяжку и суконные узорные жилеты без рукавов. По своему покрою многие части костюма приближаются к костюму балканских народов — греков, южных славян, албанцев, являясь свидетелями давних культурных связей. Примечательные детали: таты-мужчины надевают, заправляя в штаны, рубашу с прямым воротом из самотканой тонкой материи своеобразного покроя — одинакового как у бахчисарайских, так и южнобережных татар. Верхней одеждой у татов служит короткая куртка из домотканого сукна «хыста чекмен», а зимой столь же короткий, по пояс, полушубок «тончук». Голову покрывает низкая, с круглым плоским дном барашковая шапка «халпах». Зимой надевают суконные башлыки. Обувь в рабочее время состоит из шерстяных чулок и чарыков (постолов из воловьей шерсти), одинаковых по типу для Передней Азии и Кавказа, а в праздничное время — из низких башмаков на каблуках и чувяков⁷⁶.

Что касается женского костюма, то он в такой же мере не похож на костюм кочевых тюрков. «Сверх рубахи того же покроя, как мужская, надевается верхнее яркое стеганое платье «зубун» или «фистан», длиной до колен, с узкими рукавами, с широким и открытым вырезом на груди, плотно обтягивающее талию, но с особыми выступами по бокам «джабу»... Грудь за-

вешивается особым нагрудником, прежде увешанным монетами. Талия опоясывается углом назад шерстяной шалью и сверху поясом с массивными серебряными бляхами. Впереди обыкновенно носят передник «оглюк»... На ногах «папучи» — сафьяновые туфли без задков»⁷⁷.

Вторую группу составляют татары горного и предгорного Крыма. В их этногенезе приняли участие тавры, скифы (скифотавры), аланы, готы, гунны, хазары, генуэзцы и частично кыпчаки, которые были загнаны в горы монгольскими нашествиями. В горном Крыму, по свидетельству Палласа, встречается особый тип с продолговатым лицом, длинным загнутым носом, сжатой с боков головой, рыжими и русыми волосами, — тип, который некоторые исследователи считают готским⁷⁸. Горские татары — обитатели северных склонов Крымских гор и примыкающих к ним долин — во многом отличаются от ногайцев. «Они высоки ростом, хорошо сложены, ловки и сильны; цвет лица у них более светлый, приближающийся к цвету кавказского племени, глаза большие и темные, волосы и борода густые и черные»⁷⁹. Некоторых представителей крымских татар, проживавших в горной части Крыма, до сих пор называют катфритами, или готфритами, где первый компонент, очевидно, этноним «гот».

Язык крымских татар предгорного Крыма характеризуется тем, что в нем, наряду с огузской лексикой и грамматическими формами, параллельно используются кыпчакские слова и грамматические элементы.

Степные жители Крыма образуют третью группу. В состав крымскотатарского населения, формировавшегося в степной полосе Крыма, вошли в основном кыпчакско-половецкие племена. Как уже отмечалось, свидетельством тому — топонимика и тамги на надгробных памятниках. В этногенезе приняли здесь участие смешавшиеся с кыпчаками остатки хазар, печенегов, гузов (торков), отчасти татаро-монголов и ногайцев.

В исторических названиях деревень степного Крыма сохранились имена родов и племен, вошедших в состав этой группы крымскотатарского народа. «В списках населенных мест крымских уездов Таврической губернии (кроме Ялтинского), изданных в 1865 г., встречаются по пяти раз имена найманов и аргин, четыре раза имя конрат, по три раза имена кипчак, алчин и китай, по два раза имена канглы, алач и тама; сверх того, те же имена и имена кирей, кирейт, киргиз-казак и пр., оказываются в составе сложных имен населенных мест, напр., Боз-Оглу Керейт, Унгар-Найман, Карт-Казак»⁸⁰. Потомков многих из

них встретим среди таких народов, как казахский, киргизский, каракалпакский, узбекский⁸¹, что ясно указывает на историческую и родовую близость крымских татар степной полосы Крыма со среднеазиатскими народами.

Богатый материал для уточнения этнического состава степных крымских татар дают тамги, обнаруженные на территории их формирования. Научная экспедиция, отправленная летом 1925 г. для изучения истории, культуры, литературы и этнографии, собрала более 400 тамг в степной полосе Крыма. Тамги были найдены на надгробных памятниках, где имя покойного и дата его рождения и смерти отсутствовали. Лишь тамга, высеченная на камне, указывала, к какому роду или улусу принадлежал почивший в могиле. Члены экспедиции с сожалением констатировали, что степные крымские татары, зная свою тамгу, уже в первой четверти XX в. не могли указать, к какому именно улусу принадлежит данная тамга и ее владельцы.

Тамги, обнаруженные в степной части Крыма, принадлежали древним тюркским родам и племенам: салгурам, карлукам, канглам, найманам, киятам, кенегесам, кыпчакам, аргылам, алчиным, конратам, киреитам и др.⁸² Указанные роды и племена в Крыму перешли к оседлой жизни и вместе с местным населением северной части Крыма составили основу формировавшегося здесь этноса.

В предгорья и горную часть Крыма тамги переносились вместе с приобретаемыми в степной полосе животными и использовались только для клеймления своего скота. На Южном берегу и в центральной части Крыма тамги на надгробных памятниках не ставились⁸³.

Выше мы уже отмечали, что в Крыму монголо-татары вошли лишь незначительным слоем в состав господствующих элементов. Об этом косвенно свидетельствует и то, что в крымскотатарском языке лишь около 30 монгольских слов, в то время, как в якутском, например, около 2500. Между тем монголо-татары, сосредоточив власть в своих руках, сумели передать свое имя гораздо более многочисленному населению, причем не только в Крыму, но и за его пределами. Остается лишь отметить, что есть существенная разница между историей народа и историей его имени. К тому же свое название крымские татары получили много позднее, чем сам народ сформировался. А это ни в коей мере не лишает права крымскотатарский народ на свое этническое прошлое, предшествовавшее появлению этнонима.

Основным занятием крымских татар было земледелие⁸⁴. На Южном берегу, в горных и предгорных районах Крыма они

занимались садоводством, виноградарством, табаководством, сеяли пшеницу и лен. Ф. Хартахай писал: «Виноградарство доходило у татар до страсти, они привозили в Крым лозы всех стран: при начале русского владычества найдено здесь 56 сортов виноградных лоз... По свидетельству Сумарокова, в одном южном Крыму добывалось 300 тысяч ведер вина»⁸⁵. В степных районах Крыма особенно развито было животноводство, прежде всего разведение овец и коней; здесь также сеяли пшеницу, овес, ячмень, просо, что полностью обеспечивало население хлебом.

Отдельной темой могло бы стать развитие у крымских татар ремесел. В частности, кожевенного производства. В городах Карасубазаре, Кезлеве и Бахчисарае выделялись всевозможные сорта сафьяна и юфти, изготавливались прекрасные седла, подушки всех размеров, туфли, башмаки и т. д.

Особой репутацией в Крыму и за его пределами пользовалось оружие местного производства: карабины, пистолеты, кинжалы, ножи. Изготавливалось оно в городе Бахчисарае. Фабрикация пороха тоже была предметом профессионального внимания. В XVIII в., по свидетельству Пейсоннеля, в одной только Кафе было десять пороховых заводов (барутхане).

Расположенный на перекрестке важных торговых путей, Крым играл видную роль в международной торговле. Товары шли в Украину, Россию, Польшу, Константинополь, Сирию, Иран, Хорезм.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Еще задолго до возникновения этнонима «крымские татары» крымскотатарский народ исторически сложился из различных племен и народов, населявших Крым с глубокой древности. При этом процесс формирования крымских татар, как и многих других народов, шел путем миграции, расселения, путем завоевания одних этнических групп другими и их последующей ассимиляции.

При общности языка и культуры современные крымские татары различаются своим физическим типом, в зависимости от того, какие группы приняли участие в их этногенезе.

Этническую основу южнобережных и горских татар составили потомки киммерийцев, греков, тавров, скифов, алан, готов, гунинов, генуэзцев, а также частично хазар, кыпчаков, турок-сельджуков. Об этом свидетельствуют исторические ис-

точники, археологические и антропологические исследования, языковые и этнографические данные.

В состав крымскотатарского населения, сформировавшегося в степной полосе Крыма, вошли главным образом половецкие племена (известны по восточным источникам под именем кыпчаков, по западным — куманов), которые ассимилировали остатки хазар, печенегов, татаро-монголов и ногайцев. Об этом свидетельствуют языковые материалы, а также историческая топонимика северной части Крыма и тамги, обнаруженные на данной территории. Заметим, что в основе современного крымскотатарского литературного языка лежит язык кыпчакско-половецких племен, в значительной степени испытавший огузское влияние.

В заключение отметим, что здесь нет, конечно, полного ответа на все вопросы, которые неизбежно встают перед исследователем, занимающимся происхождением крымскотатарского народа. Это объясняется прежде всего недостаточной разработанностью многих исторических, археологических, антропометрических, этнографических и других вопросов, а также существующим до сих пор предвзятым, односторонним подходом к проблеме происхождения крымских татар.

Основная литература

Перед автором стояла нелегкая задача в отборе и использовании той безбрежной литературы, которая по-разному и, как правило, лишь косвенно дает ответ на поставленный вопрос: как сформировался крымскотатарский народ? Начался этот процесс в глубокой древности. Условно мы начали отсчет с конца бронзового — начала железного века, когда в Крыму обитали киммерийцы и тавры — древнейшие его жители, известные по письменным источникам. Период поздней первобытности, связанные с ним археологические культуры и памятники в Крыму, на юге Украины и на юге России давно и плодотворно исследует крымский археолог Аскольд Александрович Щепинский. К сожалению, его труды не были нам доступны во время работы над книгой в Узбекистане. Поэтому мы вынуждены ограничиться здесь лишь перечнем публикаций А. А. Щепинского, представляющих собой введение в избранную нами тему. С этого и начинаем список основной литературы.

Щепинский А. А. и др. История.—Крым: Путеводитель. Изд. 2-е. Симферополь, 1982.

Щепинский А. А. Красные пещеры. Долгоруковская яйла. Изд. 2-е. Симферополь, 1987.

Щепинский А. А. Кемнобинская культура Крыма. — Археология Украинской ССР. Изд. 2-е. Т. 1. Киев, 1985.

Щепинский А. А. Кемнобинские племена. — История Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1981.

Щепинский А. А. Погребения начала железного века из Симферополя. — Краткие сообщения Института археологии АН УССР. Киев, 1962, № 2.

Щепинский А. А. Пещерные святилища раннего железа в Горном Крыму. — Труды карстовой экспедиции АН УССР. Киев, 1963.

1. **Бернштам А. Н.** Жилище крымского предгорья. — Известия. Гос. Академии истории материальной культуры. Т. IX, вып. 6-7. Л., 1931, стр. 10.

2. **Торчинская Э. Г., Кочетова Е. Б.** Крымские татары. Каталог коллекций. Л., 1989, с. 3.

3. **Шмелев Ю.** Историческая правда — прежде всего. — Газ. «Советский Крым», 15 августа 1990 г.

4. Там же.

5. **Якубовский А. Ю.** К вопросу об этногенезе узбекского народа. Ташкент, 1941, с. 4.

6. Библиографию о киммерийцах см.: **Тереножкин А. И.** Киммерийцы. Киев, 1976, с. 216-221.

7. Советская историческая энциклопедия. Т. VII. М., 1965, с. 240.

8. **Тереножкин А. И.** Ук. соч., с. 20.

9. **Абасв В. И.** Скифо-европейские изоглосы. М., 1965, с. 125-126.

10. О таврах см.: **Лесков А. М.** Раннетаврские могильники горного Крыма. — Скифо-сарматское время. Вып. 2. Л., 1961, с. 104-113; **Его же** Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев, 1965; **Крис Х. И.** О таврах и кизилкобинской культуре. — Вестник древней истории, 1971, № 4.

11. **Крикун Е.** Архитектурные памятники Крыма. Симферополь, 1977, с. 5.

12. **Щеглов А. Н.** Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л., 1978, с. 131.

13. Об этих памятниках см.: **Крикун Е.** Архитектурные памятники Крыма, с. 7-8.

14. Литературу о скифах см.: **Латышев В. В.** Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Т. 1-2. СПб, 1893-1906; **Артамонов М. И.** Скифо-сарматское время.

Л., 1961; **Смирнов А. П.** Скифы. М., 1966, **Троицкая Т. Н.** Скифские погребения в курганах Крыма. Симферополь, 1954; Проблемы скифской археологии. М., 1971; **Высотская Т. Н.** Поздние скифы в юго-западном Крыму. Киев. 1972.

15. **Щеглов А. Н.** Ук. соч., с. 131.

16. О готах см.: **Иордан.** *Getica*. О происхождении и деяниях готов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М., 1960.

17. См.: **Миллер В.** Эпиграфические следы иранства на юге России. — Журн. Министерства народного просвещения, 1886, октябрь; **Абаев В. И.** Скифский язык. — Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949; **Vasmer M.** Untersuchungen über der ältesten Wohnsitze der Slaven. — Die 1 ranier in Sudrussland, Lpz., 1923.

18. Большая советская энциклопедия, изд. 3-е. Т. 22. М., 1975, с. 599.

19. **Кулаковский Ю.** Прошлое Тавриды. Киев, 1906, с. 54.

20. **Крикун Е.** Ук. соч., с. 15.

21. Библиографию по гуннам см.: **Иностранцев К.** Хунну и гунны. Л., 1926, с. 120-123.

22. **Маркс К., Энгельс Ф.** Соч. Изд. 2-е Т. 8. М., 1957, с. 568.

23. История царства Херсонеса Таврического, сочиненная Станиславом Сестринцевичем-Богушем. Перевод с французского. Т. 11. Спб. 1806, с. 66.

24. **Бернштам А. Н.** Очерк истории гуннов. Л., 1951, с. 149.

25. О разгроме гуннами готов см.: **Шафарик П.** Славянские древности. Т. 1, кн. 2. М., 1837, с. 248-250.

26. **Засецкая И. П.** Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1957, с. 9.

27. **Кулаковский Ю. К.** К истории Боспора Киммерийского в конце VI века. По поводу изъяснения надписи Евпатория. Спб. 1896, с. 8.

28. Литературу о белых гуннах-эфталитах см.: **Бернштам А. Н.** Очерк истории гуннов, с. 183-190.

29. Ук. соч., с. 165.

30. **Якобсон А. Л.** Средневековый Крым. М.-Л., 1964, с. 7.

31. **Кулаковский Ю.** Прошлое Тавриды. Киев, 1906, с. 54.

32. **Бернштам А. Н.** Ук. соч., с. 9.

33. **Куник А. А.** О тюркских печенегах и половцах по мадьярским источникам. Записки Императорской Академии Наук. Т. 3. 1885, с. 715.

34. **Бернштам А. Н.** Ук. соч., с. 166.

35. **Радлов В. В.** К вопросу об уйгурах. — Приложение к т.

XXII Записок Императорской Академии Наук, № 2. Спб, 1893, с. 108.

36. **Бернштам А. Н.** Ук. соч., с. 173.

37. **Артамонов М. И.** История хазар. Л., 1962, с. 110.

38. **Кулаковский Ю.** Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899, с. 48.

39. См.: История царства Херсонеса Таврического, сочиненная Станиславом Сестринцевичем-Богушем. Перевод с французского. Т. II. Спб, 1806, с. 60.

40. **Артамонов М. И.** История хазар, с. 137.

41. Там же, с. 174.

42. **Прокопий.** О постройках. — Вестник древней истории, 1939, № 4, с. 249-250.

43. **Артамонов М. И.** Ук. соч., с. 196.

44. Там же, с. 262.

45. История царства Херсонеса Таврического., с. 107.

46. **Артамонов М. И.** История хазар, с. 288-289. Еще см.: **Ляпушкин И. И.** Место роменско-борщевских памятников среди славянских древностей. — Вестник ЛГУ, 1956, № 40, с. 45 и сл.

47. **Лавров И. А.** Материалы для истории возникновения древнейшей славянской письменности. — Труды Славянской комиссии. Т. I. Л., 1930, с. 12.

48. **Артамонов М. И.** Ук. соч., с. 352.

49. **Слабченко М.** Проложное сообщение о предлетописной Руси. — Исторический журнал, 1942, № 7, с. 129 **Липшиц З. Э.** О походе Руси на Византию ранее 842 г. — Исторические записки. Вып. 26, 1948, с. 312.

50. **Артамонов М. И.** Ук. соч., с. 431.

51. Повесть временных лет. Ч. I. М.-Л., 1950, с. 109; Ипатьевская летопись под 1055 г. — Полное собрание русских летописей. Т. 2, вып. 1, с. 150.

52. **Плетнева С. А.** Половецкая земля — Древнерусские княжества X-XIII вв. М., 1975, с. 260.

53. См.: **Аристов Н. А.** Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. — Живая старина. Вып. 3-4. Спб, 1896, с. 402-403.

54. **Акчокраклы О.** Татарские тамги в Крыму. — Известия Крымского педагогического института имени М. В. Фрунзе. Кн. I. Симферополь, 1927, с. 32-47.

55. Об этом см.: **Щербак А. М.** Несколько слов о приемах чтения рунических надписей, найденных на Дону. — Советская археология, XIX, 1954, с. 269 и сл.: **Артамонов Н. И.** Надписи на

баклажках Новочеркасского музея и на камнях Маяцкого городища. — Там же, с. 263.

56. Аристов Н. А. Ук. соч., с. 401-402.

57. Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из сочинений арабских. Т. I. Спб, 1884, с. 3.

58. Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Оттоманской Порты до начала XVIII века. Спб, 1887, с. 31.

59. Плано Карпини И. История монгалов. Спб, 1911, с. 24.

60. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Спб, 1911, с. 76.

61. Федоров-Давыдов Г. А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966, с. 235.

62. Смирнов В. Д. Ук. соч., с. 89.

63. Тизенгаузен В. Г. Ук. соч., т. 1, с. 112.

64. См.: История царства Херсонеса Таврического, сочиненная Станиславом Сестринцевичем-Богушем. Перевод с французского. Т. 2. Спб, 1806, с. 152.

65. Смирнов В. Д. Ук. соч., с. 491.

66. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных турецких племен. Ч. 7. Наречия Крымского полуострова. Спб, 1896, с. XII-XIII.

67. См.: Баскаков Н. А. Введение в изучение тюркских языков. М., 1962, с. 281.

68. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. Запднокыпчакская группа. М., 1975, с. 8.

69. Меметов А. Источники формирования лексики крымскотатарского языка. Ташкент, 1988, с. 6-51.

70. См.: Народы русского царства. Составитель В. Львович. Раздел 3. Крымские татары. М., 1901, с. 343-358.

71. см.: Radloff W. Phonetik der nördlichen Türksprachen. Leipzig, 1882, с. 280-291; Benzing J. Menges K. H. Classification of Turkish languages. — Philologiae Turcicae Fundamenta, 1, Wiesbaden, 1959, p. 1-10.

72. Куфтин Б. А. Южнобережные татары Крыма. — Крым: Общественно-научный журнал. М., 1925, № 1, с. 24.

73. Смирнов В. Д. Ук. соч., с. 3, 6.

74. Куфтин Б. А. Ук. соч., с. 24.

75. Там же, с. 27

76. Там же, с. 25-26.

77. Куфтин Б. А. Ук. соч., с. 26.

78. См.: Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 годах. — Записки Одесского общества истории и древнос-

тей. Т. XII. Одесса, 1881, с. 62-208. Еще см.: **Паллас П. С.** Поездка во внутренность Крыма, вдоль Керченского полуострова и на остров Тамань. — ЗООИД. Одесса, 1883, с. 34-107.

79. Народы русского царства. Раздел 3. Крымские татары, с. 343-358.

80. **Аристов Н. А.** Заметки об этническом составе., с. 402-403.

81. **Ошанин Л. В.** Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов. Ч. 1. Ереван, 1957, с. 32.

82. **Акчокраклы О.** Ук. соч., с. 32-47.

83. Там же, с. 33.

84. Приводимые сведения о занятиях крымских татар нами взяты из следующих работ: **Хартахай Ф.** Историческая судьба крымских татар. — Вестник Европы. Т. 2. Спб, 1867, с. 168-173; **Куфтин Б. А.** Ук. соч., с. 27-28.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. История крымских ханов. (Крым-ханон торихи). Список с рукописи мирзы Аргинского. — Центральная научная библиотека Академии Наук Украины. Рукописный отдел, ф. 5, № 49133, лл. 86-87.

2. Копия крымских ярлыков В. Д. Смирнова. — Архив востоковедов. Санктпетербургское отделение Института востоковедения РАН. Рукописный отдел, ф. 50, оп. 1, 6, 76, 87, 89.

3. Крымские ханы (Крым ханлары). — Там же, № С. 861.

4. Отрывок из истории Золотой Орды и Крыма. — Центральная научная библиотека АН Украины. РО, ф. 5, № 49194, лл. 143-152.

5. **Раммалъ-ходжа.** Тарих-и Сахиб-Гирай-хан. (История Сахиб-Гирай-хана). Санктпетербургское отделение ИВ РАН. РО, № В. 767.

6. **Сейид Мухаммед Риза.** Ассеб ос-Сайор фи ахбар мулук аттатар. (Семь планет в известиях о правителях татар). — Там же, № В. 756.

7. Ярлыки золотоордынских и крымских ханов. Там же, № Д 222/1, Д 222/11; ТТ. 306-315; 317-320; 322-323, 327; 340; 373а; 373б; 373д.

8. Ярлыки-послания крымских ханов. — Центральный государственный архив древних актов, ф. 123, оп. 2, № 36, 39, 41; оп. 3. № 1, 3, 4, 5.

9. Ярлыки крымских ханов. — Центральная научная библиотека АН Украины. РО, ф. 5, № 48245, 49249, 49250.

10. Ярлык Сахиб-Гирей-хана 1523 г. — Государственный музей Татарской Республики. Редкий фонд, № 5757.

11. Бартольд В. В. Крым. — Соч., т. 3, с. 467-469. (Исследования В. В. Бартольда даются по его Сочинениям в 9-ти томах, 10-ти книгах), М., 1963-1977.

12. Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. — Соч., т. 5, с. 195-229; Хаджи-Гирей. — Там же, с. 591.

13. Бахчисарайские арабские и турецкие надписи. — Записки Одесского общества истории и древностей. Т. 2, отд. 2-3, 1850, с. 489-520.

14. Бережков М. Древнейшая книга крымских посольских дел (1474-1505 гг.). — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь, 1894, № 21, с. 27-55.

15. Бережков М. Нур-салтан, царица Крымская. Историко-библиографических очерк. — ИТУАК, 1897, № 27, с. 1-17.

16. Березин И. Тарханные ярлыки Тохтамыша, Тимур-Кутлука и Саадет-Гирея. Казань, 1851.

17. Березин И. Тарханные ярлыки крымских ханов... — ЗООИД, т. 8, Одесса, 1872. Приложение № 22, с. 1-9.

18. Березин И. Ярлыки крымских ханов Менгли-Гирея и Мухаммед-Гирея. — ЗООИД, т. 7, 1872. Приложение № 22, с. 10-23.

19. Васюков С. И. Крым и горные татары. СПб., 1904, 121 с.

20. Веселовский Н. И. Хан из темников Золотой Орды Ногай и его время. — Записки Российской Академии наук по отделению исторических наук и филологии, 1922, т. XIII, № 6.

21. Габаев Г. Крымские татары под русским знаменем. СПб, 1913.

22. Гинзбург В. В. Антропологические данные по этногенезу хазар. — Советская этнография, 1946, № 2.

23. Гинзбург В. В. Антропологические материалы к проблеме происхождения населения Хазарского каганата. — Музей антропологии и этнографии АН СССР, 1951, т. XIII.

24. Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. — История южнорусских степей IX-XIII вв. Киев, 1884.

25. Горделевский В. А. Рукописи Восточного музея г. Ялты. — Избр. соч., т. IV. М., 1968, с. 257-261.

26. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение М.-Л., 1950.

27. Греков И. Б. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV-XV вв.). М., 1975.

28. Гумилев Л. Н. Древние тюрки. М., 1967, 504 с.

29. Описание Черного моря и Татарии, составленное доминиканцем Эмиддио Дортелли Д'Асколи, префектом Каффы, Татарии и пр., в 1634 г. — ЗООИД, т. XXIV, 1902.
30. Дубровский М. Жилище крымских татар. Симферополь, 1914.
31. Зайончковский А. К изучению средневековых памятников тюркской письменности (XI-XVI вв.). — Вопросы языкознания, 1967, № 6, с. 80-89.
32. Закиров С. Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII-XIV вв.). М., 1966.
33. Катанов Н. Ф. Этнографический обзор турецко-татарских племён. Казань, 1894, 22 с.
34. Клееманово путешествие из Вены в Белгород и Новую Кидию, также в земли буджакских и ногайских татар и во весь Крым в 1768, 1769 и 1770 годах. Спб, 1783.
35. Козловский И. П. Тмутаракань и Таматарха — Матарха — Тамань. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. II, 1928.
36. Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. Ч. I. Спб, 1875, 234 с.; ч. 2. Спб, 1875, 132 с.
37. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд. 2-е, доп. и испр. Л., 1892, 360 с.
38. Крым и крымские татары. Киев, 1885, 44 с.
39. Крым с Севастополем, Балаклавою и другими его городами. Спб, 1855, 191 с.
40. Кудряшов К. А. Половецкие степи. — Вестник древней истории, 1940, № 3-4.
41. Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова. М., 1925, с. 60-65.
42. Лашков Ф. Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI-XVII вв., хранящиеся в Московском главном архиве Министерства иностранных дел. Симферополь, 1891.
43. Лашков Ф. Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения. Симферополь, 1897.
44. Малиновский Алексей. Историческое и дипломатическое собрание дел, происходивших между Российскими великими князьями и бывшими в Крыму татарскими царями с 1462 по 1583 год. — ЗООИД, т. V, 1863, с. 178-419.
45. Маркевич Арсений. Опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще. — ИТУАК, № 20, 1894.

46. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии Наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Издал В. В. Вельяминов-Зернов. СПб, 1864.

47. **Муравьев-Апостол И. М.** Путешествие по Тавриде в 1820 году. СПб, 1823, 337 с.

48. **Мурзакевич Н.** Письменные памятники Тохтамыш-хана. — Журнал Министерства народного просвещения, 1840, ч. 27, отд. II, с. 143-148.

49. **Муфти-заде И.** Очерки военной службы крымских татар. Симферополь, 1910.

50. Мэн-да бей-лу. Полное описание монголо-татар. Перевод с китайского, введение, комментарий и приложение **Н. Ц. Мункуева**. М., 1975.

51. **Наджип Э. Н.** Кыпчакско-огузский литературный язык мамлюкского Египта XIV века. М., 1965.

52. **Наджип Э. Н.** Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Саран и его язык. Ч. 1-2. Алма-Ата, 1975.

53. **Негри А.** Извлечения из турецкой рукописи Общества, содержащей историю крымских ханов. — ЗООИД, т. 1, 1844, с. 379-392.

54. **Новосельский А. Н.** Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948.

55. Описание Крыма **Мартина Броневского**. — ЗООИД, т. VI, 1867.

56. Описание перекопских ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин **Жана де Люка**, монаха доминиканского ордена (1625). — ЗООИД, т. XI, 1879.

57. **Плетнева С. А.** Кочевники средневековья. М., 1982.

58. **Полканов А. И.** К вопросу о конце Тмутараканского княжества. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т. III, 1929.

59. **Пономарев А.** Куманы — половцы. Вестник древней истории, 1940, № 3-4.

60. Путешествие в восточные страны **Плано Карпини** и **Рубрика**. М., 1957.

61. **Сумароков Павел.** Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. М., 1800, 238 с.

62. **Радлов В. В.** Ярлыки Тохтамыша и Темир-Кутлуга. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества. Т. III, вып. I-II, с. 1-40.

63. **Саблуков Г. С.** Очерк внутреннего состояния Кыпчакского царства. Изд. 2-е. Казань, 1895.

64. **Самойлович А. Н.** Некоторые данные о пчеловодстве в Крыму в XIV-XVII веках. Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 1. Л., 1932, с. 123-128.
65. **Сафаргалиев М. Г.** Распад Золотой Орды. Саранск, 1960.
66. **Сахаров А. М.** Крымское ханство. — Советская историческая энциклопедия, т. 8, с. 208-209.
67. **Сергеев А.** Ногайцы на Молочных Водах (1790-1832). Исторический очерк. — ИТУАК. Симферополь, 1912, № 48.
68. **Скальковский А. А.** О ногайских татарах, живущих в Таврической губернии. — ЖМНП, 1843, т. XI.
69. **Смирнов В.** Археологическая экспедиция в Крым летом 1886 года. — Записки Восточного отделения Русского археологического общества, 1, с. 273-302.
70. **Смирнов В.** Крымско-ханские грамоты. — ИТУАК, № 50, 1913, с. 140-178.
71. Таврикия, или Известия древнейшие и новейшие о состоянии Крыма и его жителей до наших времен. Сочинение польского епископа господина Адама Нарушевича, переведенное с польского языка на российский. Киев, 1788, 172 с.
72. Татарские и турецкие акты, доставленные в Общество. — ЗООИД, т. 1, 1844, с. 638-640.
73. Татарские и турецкие акты, найденные в Крыму. — ЖМНП, 1839, ч. 21, отд. VII, с. 39-44.
74. **Татарчевский А.** Путешествие и деятельность барона Тотта в качестве консула в Крыму в 1767 году. Киев, 1873, 23 с.
75. Путешествие из Крыма в Черкесию через земли ногайских татар в 1709 г. доктора Феррана. — Русский вестник, 1842, т. 6, кн. 2.
76. **Дюбуа де Монпере Фредерик.** Путешествие вокруг Кавказа. Перевод с французского. Т. 1. Сухуми, 1937, 178 с.
77. **Ал-Холи Амин.** Связи между Нилом и Волгой в XIII-XIV вв. М., 1962.
78. **Челеби Эвлия.** Книга путешествия. Вып. 1. М., 1961.
79. **Шарков В. В.** Крым, его прошлое и настоящее. М., 1899, 28 с.
80. **Якубовский А. Ю.** Из истории изучения монголов периода XI-XIII вв. Очерки по истории русского востоковедения. Сб. 1, М., 1953, с. 31-96.
81. Ярлык хана Золотой Орды Тохтамыша к польскому королю Ягайлу 1392-1393 года. Казань, 1850.
82. **Ярцов Я. О.** Ярлыки крымских ханов. — ЗООИД, т. II, 1850, с. 675-679.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ЯЗЫК

И если завтра мой язык исчезнет,
То я готов сегодня умереть.

Расул Гамзатов

Крымскотатарский язык — один из тюркских языков западно-кыпчакской группы. Как и все тюркские языки, он построен на так называемой агглютинации, т. е. на основе сильно развитого суффиксального словообразования, когда к одному суффиксу лепится другой, в результате чего возникают целые гирлянды суффиксов¹.

В крымскотатарском языке формо- и словообразование происходит путем присоединения к слову в определенной последовательности стандартных суффиксов: **эв** — дом, **эв-нинь** — дома, **эв-ге** — дому, в дом, **эв-де** — в доме, дома; **эв-им** — мой дом, **эв-им-из** — наш дом, **эв-лер** — дома, **эв-лер-им-из** — наши дома; **яз-ды** — он написал, **яз-ды-м** — я написал и т. п. Основа слова устойчива и почти всегда очень легко выделяется из всех других форм; точно так же легко выделяется корень (корневая морфема) из ряда однокорневых слов и их форм, так как корень всегда находится в начале слова. Например, из слов **иш-лемек** — работать, трудиться, **ишкыр** — трудолюбивый, **ишчи** — рабочий, работник, **ишсиз** — безработный, **ишсизлик** — безработица без всякого труда выделяется корень-существительное **иш** — работа, дело.

Сложные исторические и этногенетические процессы, сопутствовавшие образованию крымскотатарского народа, нашли свое отражение в его языке. В формировании общенародного крымскотатарского языка принимали участие главным образом кыпчакские и в меньшей мере огузские племенные языки, о чем свидетельствуют и характерные особенности его основных диалектов.

В крымскотатарском языке выделяется два главных диалекта: южный (огузский) и северный (кыпчакский). А. Н. Самойлович писал: «В Крыму, ввиду его особого географического положения, предопределившего особенности политической, культурной и этнической истории крымских татар... главным образом по причине политического влияния соседней Турции... язык разговорный оказался разделенным на два главных диалекта, принадлежащих к двум разным диалектическим группам: юго-западной (огузской) и северо-западной (кыпчакской)»².

Э. В. Севортян в общенародном крымскотатарском языке, вслед за Б. Чобанзаде, выделил третий — средний (орта ёлакь) — диалект³. Уточняя территорию расселения носителей крымскотатарских диалектов, Э. В. Севортян писал: «Степной диалект имеет южной границей приблизительно линию Евпатория — Биюк-Онлар — Феодосия — Керченский полуостров. Южный диалект занимает прибрежную и горную полосу, начиная приблизительно от Байдар до Феодосии. Пространство между указанными территориями занимал средний диалект»⁴.

Наблюдения Н. К. Дмитриева над фонетическими особенностями крымских диалектов показали, что в Крыму нет «чистых» диалектов, которые можно было бы подогнать полностью под какую-либо звуковую схему. Так, на Южном берегу, где в начале слов преобладает й, встречаются такие формы, как джыйдым (я собрал), а в районе Карасубазара отмечены формы типа гельдим вместо предполагавшихся там кельдим и т. д.⁵.

Большие изменения произошли в крымскотатарских диалектах после депортации их носителей из Крыма в мае 1944 года и поселения затем в Узбекистане, Казахстане, Таджикистане, Киргизии, позднее — в Европейской части России и Краснодарском крае. На местах высылки они были расселены без учета этнических, исторических и языковых особенностей, что способствовало значительной нивелировке диалектов. Поэтому термины «южный» и «северный» в настоящее время неприемлемы, так как не отражают современного состояния расселения носителей крымскотатарских диалектов. Было бы более научно классифицировать диалекты крымских татар на огузированный, т. е. диалект, в котором превалируют огузские элементы, и кыпчакизированный, в котором преобладают кыпчакские элементы.

Чтобы отличить тот или иной диалект, необходимо иметь в виду следующие признаки:

1) фонетические — соответствие начальных звонких д, г, б, соответствующим глухим т, к, п (огузированный диалект: дагъ — гора, лес, диш — зуб, гозъ — глаз, бармах — палец; смешанный или средний диалект: дагъ, тиш, козь, пармакъ; кыпчакизированный: тав, тиш, козь, пармакъ); соответствие начальных й — дж (огузир.: йол — дорога, йэр — место, земля, йох — нет; смешанный: йол, йэр, йокъ; кыпчакизир.: джол, джер, джокъ); соответствие х - къ в начале и в конце слова (огузир.: хулах — ухо, халх — народ, люди, хырмызы — красный; смешанный: къулакъ, халкъ, къырмызы; кыпчакизир.: къулакъ, къалкъ, къырмызы); соответствие б - м, в - б (огузир.: бурун —

нос, бойун — шея, бойнуз — рог, вар — есть, имеется, вермек — дать; смешанный: бурын, бойын, бойныз, бар, бермек; кыпчаки-зир.: бырын/мырын, мойын, мойныз, бар, бермек); губная ассимиляция (огузир.: хурулуш — строительство, тузлук — солонка, чюкюндюр — свекла; смешанный: кьурулуш, тузлукъ, чюкюндир; кыпчакизир.: кьурылыш, тузлыкъ, чюкиндир);

2) морфологические — аффиксы сказуемости, огузир.: -дырым/- дирим/ -дурум/ -дюрюм, -дырсын/ -дирсин/ -дурсун -дюрсюн, -дыр/-дир/ -дур/ -дюр: оджадырым — я учитель, тю-тюдждюдюрюм — я табаконд; -м: мен ишчим — я рабочий; смешанный: -м, реже - йым/ -йим: мен талебем — я ученик, мен ишчийим — я рабочий; кыпчакизир.: -ман/ -мен: мен оджаман, мен ишчимен и др.);

3) лексические — огузир.: далгъа — волна, баба — отец, кемик — кость, борю — волк, копек — собака, алын — лоб, абла — старшая сестра, чох — много, чызма — сапоги; смешанный: далгъа//толкъун, баба, кемик, бори//къашкъыр, копек, манълай — лоб, тата — старшая сестра, чокъ, чызма; кыпчакизир.: толкъын — волна, ата — отец, сиек — кость, къашкъыр, ит — собака, манълай, тота, коп, этик — сапоги.

Общая численность крымских татар по переписи 1989 г. составила 271,7 тыс. человек. Однако это, вне всякого сомнения, заниженные данные. После депортации по политическим соображениям крымские татары при переписях самостоятельно не выделялись. Их включали вместе с казанскими татарами в общую графу «татары». Точно так же и при последней переписи значительное количество «крымских татар» было отнесено к «татарам».

В настоящее время крымские татары живут в основном на территории Украины (Республика Крым), в Узбекистане, Краснодарском крае. Небольшими группами они проживают также в Казахстане, Таджикистане и Туркмении. По последним данным (апрель 1993 г.), общая численность вернувшихся на историческую родину крымских татар превысила 250 тыс. человек. По разным оценкам, предполагается возвращение их в количестве от 400 до 600 тыс. человек. Эти две цифры (или средняя — 500 тыс.), очевидно ближе к истине, чем данные переписи.

Крымскотатарский язык имеет многовековую письменную традицию. Старейший лексикографический памятник крымскотатарского языка, как отмечает акад. А. Н. Кононов, Codex Siniticus» (Библиотека собора св. Марка в Венеции), состоящий из Латинско-персидско-куманского словаря, составленного в 1294/95 г. в Крыму (городе Солхате, нынешний Старый

Крым) итальянскими поселенцами⁷. Памятниками литературного языка официально-канцелярского стиля являются «Материалы для истории Крымского ханства»⁸, содержащие наборные тексты 378 документов, датированных 1520 — 1722 гг. К памятникам историографического стиля принадлежит сочинение Мухаммеда Ризы «Ассеб ас-Сейяр»⁹ — «Семь планет», в котором излагается история крымских ханов с 1466 по 1737 гг. Народно-разговорный и фольклорный стили зафиксированы В. В. Радловым в труде «Образцы народной литературы северных турецких племен»¹⁰. Крымскотатарские поэтические произведения представлены в диване Ашыка Умера (XVII в.) и сборниках Мустафы Джевхерия¹¹.

Письменность крымских татар до 1929 г. была на основе арабского алфавита, который неоднократно реформировался, с 1929 — на основе латинского, а с 1938 г. — русского.

Современный крымскотатарский алфавит состоит из 33 русских букв и 4 буквосочетаний (гь, кь, нь, дж), передающих специфические крымскотатарские звуки.

В крымскотатарском литературном языке 8 гласных фонем: а, э, ы, и, о, о, у, у. Их классификацию можно представить следующей таблицей:

Ряд и лабиализация	Передний		Задний	
	Нелабиализованные	Лабиализованные	Нелабиализованные	Лабиализованные
Подъем				
Верхний (узкий)	и	у	ы	у
Средний	э	о		
Нижний (широкий)			а	о

Крымскотатарская фонема э произносится одинаково как в начале слова, так и в середине и конце слова; как после мягких согласных: кель — приходи, кес — разрежь, так и после твердых: демир — железо.

Гласные а, о, у, ы, и, произносятся приблизительно как подобные им фонемы русского языка. Различие между сходными крымскотатарскими и русскими фонемами состоит в том, что а в крымскотатарском более заднего образования, чем в русском. Гласный у в крымскотатарском языке по мере удаления от начала слова редуцируется и теряет свое качество: ср. у в словах ун — мука, буз — лед и во втором слоге слов (одын (лит.-орф. одун) — дрова, достым (лит.-орф. достум) — мой друг. Крым-

скотатарская фонема **ы** всегда краткая, по сравнению с русской, иногда может редуцироваться до нуля звука после глубокозаднеязычного **кь**: **кьскьа** (лит.-орф. **кьыскьа**) — короткий, **кьрмызы** (лит.-орф. **кьырмызы**) — красный Крымскотатарская фонема и произносится гораздо короче соответствующей русской фонемы. Наиболее слабой позицией является ее положение между двумя согласными, например, **демир** — железо, **билим** — знание, **кескин** — острый. В некоторых словах встречается долгий гласный и (очень похожий на соответствующий русский гласный), обозначаваемый на письме двумя буквами **ий**, **чий** — сырой, **ильмий** — научный, **сийрек** — редко, редкий. В исконных крымскотатарских словах фонема оппозиционно ограничена в пределах первого слога.

Гласные **у**, **о** характерны для крымскотатарского литературного языка: фонема **у** передается на письме буквой **ю** после согласных: **сют** — молоко, **чюкюндир** — свекла; **о** обозначается после согласных буквой **ё**: **кёр** — слепой.

Крымскотатарские гласные фонемы, в отличие от русских, в любых положениях произносятся более или менее одинаково, за исключением фонем **у**, **и**, **ы**, которые из-за своей краткости в некоторых позициях сильно редуцируются или даже совсем выпадают.

В современном крымскотатарском литературном языке наиболее последовательно сохраняется закон небной-ненебной гармонии гласных, согласно которому в одних словах могут употребляться только гласные переднего ряда, в других — лишь гласные заднего ряда. В исконных словах сингармонизм выдерживается последовательно в корнях и аффиксах: **деве** — **девелер** — **девелеримиз** — **девелеримизге**; **кьырмыскьа** — **кьырмыскьалар** — **кьырмыскьаларнынъ**.

Губная гармония в литературном крымскотатарском языке распространяется до третьего слога: **ёлум** — моя дорога, **чюкюндир** — свекла. Губные **у**, **у** могут встречаться и в последующих слогах в составе некоторых аффиксов: **корюшув** — встреча, **бойсунув** — подчинение.

В крымскотатарском литературном языке 25 согласных фонем, классификацию которых можно представить следующей таблицей: (см. ст. 39).

Основные различия между согласными фонемами крымскотатарского и русского языков сводятся к следующему:

1) В крымскотатарском языке нет мягких согласных фонем, которые бы
т. е. в крымскотатарском языке согласные **п**, **б**, **м**, **ф**, **в**, **т**, **д**, **с**,

ш, з, н, л, р вообще произносятся твердо, хотя перед гласными переднего ряда они могут значительно смягчаться (это, конечно, комбинаторные смягчения).

2) Крымскотатарский звук отличается от аналогичного звука русского языка тем, что является губно-губным, а не губно-зубным, как в русском.

3) Крымскотатарских согласных звуков гъ, къ, нъ, дж в русском языке нет. Носовой согласный нъ по артикуляции несколько похож на сочетание русских согласных н+г, где г почти не произносится или произносится, как спирант. Звонкая аффриката дж произносится как сочетание д+ж, артикулируемое быстро и энергично.

			Губно-губные	Губно-зубные	Передне-язычные	Средне-язычные	Задне-язычные	Глубоко-задне-язычные
Шумные	Взрывные	Глухие	п		т	к	(к)	къ
		Звонкие	б		д	г	(г)	гъ
	Щелевые (аффрикативные)	Глухие	(ф)*	ф	с, ш, щ**			х
		Звонкие	в	(в)*	з, ж	й		(гъ)
	Слитные (аффрикаты)	Глухие			ц**, ч			
		Звонкие			дж			
Сонорные	Смычно-проходные	Носовые	м		н		нъ	
		Боковые			л			
	Дрожащие				р			

4) Крымскотатарский согласный х отличается от соответствующего русского звука тем, что в крымскотатарском языке этот звук образуется при сближении самой задней части спинки языка с концом мягкого нёба, а в русском языке — при сближении задней части спинки языка с передней частью мягкого

* В скобках приводятся варианты соответствующих фонем.

** Эти фонемы встречаются только в словах, заимствованных из русского языка.

нёба. В крымскотатарском языке эта фонема всегда твердая, а в русском она может смягчаться (ср. произношение *х* в русском: *хе, хи* и в крымскотатарском: *хыяр, хырсыз*).

В грамматическом строе крымскотатарского и русского языков есть много общего (например, сходные части речи: существительное, местоимение, числительное, глагол; сходные грамматические категории и значения: значение множественного числа в имени существительном, категория времени и категория лица в глаголе и т. п.). Однако между грамматическим строем двух языков имеется также немало различий, которые выражаются в следующем:

1) В крымскотатарском языке для выражения значения множественного числа в именах существительных применяется лишь один аффикс *-лар/ -лер* (*аран-лар* — сарай, *эв-лер* — дома), в русском же языке для выражения того же значения применяются различные окончания: *-ы/ и, -а/-я, -ые/ ие* и др. Следовательно, значение множественного числа существительных выражается в русском языке морфологически гораздо сложнее, чем в крымскотатарском.

2) В крымскотатарском языке имена не имеют категории рода, тогда как в русском языке имя существительное обязательно выражает категорию грамматического рода (мужского, женского или среднего).

3) И в крымскотатарском, и в русском языке существительные изменяются по падежам. В обоих языках по шесть падежей. Однако в значениях падежей имеется немало различий. Например: крымскотатарский *догърултув келиши* (дательный падеж) может в одних случаях соответствовать русскому дательному падежу (*Совхозгъа ишчилер керек* — Совхозу нужны рабочие), а в других — винительному (*Мен совхозгъа бардым* — Я ездил в совхоз).

4) В крымскотатарском языке каждая падежная форма образуется при помощи определенного аффикса, который употребляется для образования падежных форм единственного и множественного числа. Например, форма *саиплик келиши* (родительного падежа) образуется при помощи аффикса *-нынъ/ -нинъ* не только от существительных, но и от любого субстантивированного слова: *талебининъ* — ученика, *талебелернинъ* — учеников.

В русском же языке форма родительного падежа образуется при помощи различных окончаний: *-ы, -и, -а, -я* и т. д. Кроме того, для образования форм множественного числа родительного падежа имеются другие окончания: *-ов, ев, ей, ий* и т. д.

5) В крымскотатарском языке качественные прилагательные имеют лишь одну основную форму, в то время как в русском языке их две: полная и краткая. Например: **такъатлы** — сильный, силен; **беяз** — белый, бел и т. д.

6) Степени сравнения крымскотатарских качественных прилагательных образуются при помощи аффиксов **-джа/ дже/ -ча/ -че**: **къалын** — толстый, **къалынджа** — более толстый, довольно толстый, несколько толще, а превосходная степень — при помощи слова **энь**: **энь къалын** — самый толстый.

В русском же языке степени сравнения качественных прилагательных образуются различными способами.

7) В крымскотатарском языке у имен прилагательных нет специальных форм согласования с определяемыми ими существительными. Сочетаясь с существительными, прилагательные остаются неизменными, т. е. тип связи прилагательного с существительным — примыкание, в то время как русские прилагательные согласуются с существительным, к которому они относятся, в роде, числе и падеже. Например: **беяз кягъыт** — белая бумага, **беяз кягъытлар** — белые бумаги, **беяз кягъытларгъа** — белым бумагам и т. п.

В крымскотатарском языке имеется немало слов, заимствованных из русского и через русский язык (некоторые из этих слов иногда называются советизмами, европеизмами и интернационализмами). Русские заимствования исторически можно разделить на три периода: 1) заимствования до присоединения Крыма к России (до 1783 г.), 2) заимствования досоветского периода и 3) заимствования советского периода. Рассмотрим их по порядку.

1) Процесс взаимодействия тюркских и славянских языков уходит корнями в глубь веков. Первые контакты тюркоязычного населения Крыма и юга Украины с носителями древних славянских племенных языков начались, возможно, в период гуннского нашествия на страны Восточной Европы, в IV в. н. э. В состав гуннского объединения, по мнению ряда историков и лингвистов, входили наряду с тюркскими, финскими и иранскими племенами и славянские племена, участвовавшие в походах гуннов на запад «в качестве союзников или помощников по призыву»¹².

Вслед за гуннами, последовательно сменяя друг друга, в южнорусских степях появляются авары, булгары, хазары, печенеги, торки и половцы (определенная часть этих тюркоязычных племен участвовала в этногенезе крымских татар).

Отношения между тюркскими племенами и восточными сла-

вянами часто носили не враждебный, а мирный, дружественный характер, о чем свидетельствуют военные союзы и взаимные браки между ними. Так, в VI-VII вв. тюркоязычные племена аваров и болгар вместе с антами и склавенами штурмуют берега Истры (ниже течения Дуная, вдоль которого проходила северная граница Византии), постоянно вторгаются в пределы империи и постепенно продвигаются на юг Балканского полуострова¹³. Арабский историк Ибн-Хаукаль (X в.) также сообщает, что печенеги являются союзниками Руси¹⁴.

Из исторических источников известно, что многие великие князья Древней Руси имели родственные связи с половцами. А. Н. Кононов, указывая на многочисленные случаи родства русских князей с половецкими, писал: «Андрей Юрьевич Боголюбский, один из знаменитейших русских князей XII в., был по матери тюрк: она происходила из половецкого рода Аепы (им. пад. АепаАй-апа). Князь галицкий Мстислав Удалой был зятем половецкого князя Котяна... Мать Святослава Владимировича была вдовой Владимира Давыдовича, князя Черниговского; после смерти мужа она бежала к половецкому хану Башкорму («Башкиру») и вышла за него замуж. Поэтому у Святослава Владимировича отчим оказался половец Башкорм»¹⁵.

Все эти обстоятельства — военные союзы, взаимные браки, непосредственное общение и пр. — оставили глубокий след в языках, обычаях и культуре как тюрков, так и восточных славян.

В древних письменных памятниках Киевской Руси — «Повести временных лет» (X в.), «Слове о полку Игореве» (XII в.) и др. — встречаются тюркские слова, изучением которых занимались отечественные и зарубежные ученые¹⁶.

О древнерусских заимствованиях в тюркских языках до XIV в. следует сказать, что, кроме половецкого (куманского) языка, нам известно очень мало о языках других тюркских племен, обитавших в Крыму и южной части Украины. В письменном памятнике «Кодекс Куманикус» (XIII в.) зарегистрировано всего шесть русских слов: изба, овус — овес, печь, салам — солома, самала — смола, урс — русский.

Анализ языка текстов ярлыков, грамот, посольских писем и других официальных крымскотатарских документов XV—XVII вв. позволил нам выявить русские названия титулованных и должностных лиц: кырал — король (с. 66)¹⁷, чар — царь (656), кинас — князь (2, 669, 784), кьанслер — канцлер (343), палковник (659); названия месяцев: март (321), октябрь (284, 296), сентябрь (97, 333), февраль (535); этнонимы: урус — русский

(2, 856); слова, обозначающие систему измерений и предметы хозяйственного обихода: пуд — пуд (137, 163), замок (730) и др.

2) С присоединением Крыма к России в 1783 г. взаимовлияние русского и крымскотатарского языков значительно возрастает. В иных условиях стали развиваться экономические, политические и культурные взаимоотношения крымских татар с русскими. Царское правительство, ограничивая политическую власть крымских ханов, беев и мурз, постепенно вовлекая Крым в сферу общественно-экономической жизни всей страны, в значительной степени способствовало ускорению роста производительных сил и производственных отношений. Вместе с тем, необходимо исторически правильно оценить политику царского правительства, крепостнического государства по отношению к крымскотатарскому народу, носившую реакционный, антинародный характер. Это была политика геноцида и русификации. В опустевшие крымские деревни переселяются украинские и русские крестьяне из Полтавской, Черниговской, Курской, Орловской, Пензенской, Тамбовской губерний, а также иностранные колонисты — греки, болгары, немцы¹⁸.

С конца XVIII в. в географической номенклатуре Крыма появляются русские названия деревень: Петербургские мазанки, Петровская слободка, Богдановка, Чистая или Чистенькая Симферопольского уезда; названия помещичьих имений: «Рай», «Отрада», «Нежданная» и др.¹⁹

Непосредственное общение с русскими на территории Крыма способствовало усилению русско-крымскотатарских взаимосвязей и оказало большое влияние на быт, культуру и язык крымских татар. Русские заимствования этого периода использовались для обозначения новых предметов хозяйственного и домашнего обихода, одежды, пищи и т. п. Увеличению русских заимствований в крымскотатарском языке способствовало и открытие в Крыму русско-татарских школ во второй половине XIX в. Создание этих школ, целью которых была подготовка чиновников для царского самодержавия из местных народностей, сыграло положительную роль в развитии просвещения и культуры крымских татар, содействовало духовному сближению местного населения с русскими.

Крупным событием в духовной жизни крымских татар стало издание Исмаилом беем Гаспринским первой печатной газеты «Терджимап» — «Переводчик» (с 1883 г.) на крымскотатарском и русском языках.

Передовые крымскотатарские деятели культуры изучали рус-

ский язык и пропагандировали его среди своего народа. Поэт-демократ Шамиль Токтаргазы в 1905 г. писал:

Сонъ сѣзим будыр санъа:
Руслар иле хош яша!
Мектебе кет, русча биль,
Кетмесин омринъ боша! —

«Завещание мое: живи с русскими дружно; иди в школу, изучи русский язык, чтобы твоя жизнь не прошла зря».

Крымскотатарский язык в досоветское время заимствовал из русского языка слова, которые в основном были связаны с бытом, хозяйством: **чѣтки** — щетка, чайник; торговлей: — **рубле** — рубль, **капик** — копейка; названиями лиц по титулу, сану, чину и должности: **граф, губернатор, салдат** — солдат, **афисер** — офицер; названиями овощей: **къапыста** — капуста, **къартоп** — картофель и т. п. Эти слова подверглись сильной фонетической ассимиляции и по своей звуковой структуре мало отличаются от крымскотатарских слов.

3) Массовое проникновение слов из русского языка в крымскотатарский связано с образованием крымской автономии в составе РСФСР, которая формально была автономией крымскотатарской (с двумя государственными языками — крымскотатарским и русским). Обогащение лексического состава крымскотатарского языка в этот период происходит в основном двумя путями: 1) прямым заимствованием слов, 2) созданием новых слов и словосочетаний по образцам и моделям русского языка средствами принимающего языка, т. е. путем калькирования.

Основная часть заимствованных из русского языка многозначных слов в крымскотатарском, как правило, сохраняет то значение, которое оно имело в русском языке: **керосин, автобус, потик** (рус. ботинки) и др.

Значение некоторых полисемантических русских слов, вошедших в словарный состав крымскотатарского языка, не совпадает с их значением в принимающем языке (обычно в крымскотатарском языке их значение суживается). Так, например, слово **совет** в русском языке обозначает 5 понятий, а в крымскотатарском — лишь 1; слово **стол** в языке-источнике выражает 4 понятия, а в крымскотатарском — 1. Некоторые полисемантические слова, заимствованные из русского языка, в крымскотатарском употребляются в полном семантическом объеме. Так, в русском языке **квартал** имеет два значения: 1) часть города, огороженная

пересекающимися улицами; 2) четвертая часть отчетного года. В принимающем языке это слово выражает те же значения.

В современном крымскотатарском языке заимствования из русского языка получили наиболее широкое распространение в общественно-политической сфере (**съезд, пленум, делегат**), в области промышленности (**завод, комбинат, цех, инженер**), сельского хозяйства (**бригада, звено, ферма**), военного дела (**автомат, пулемет, граната, танк, взвод, рота**), культуры и искусства (**клуб, кино, концерт, балет**), строительства (**бетон, цемент, шифер, фундамент**), терминологии (**поэма, комедия, повесть; теорема, циркуль, транспортер, атом, вольт, генератор**) и т. п.

Основную массу заимствованных слов из русского языка в крымскотатарском составляют имена существительные, которые на новой языковой почве подвергаются определенным изменениям: **ышкаф, кырават, пильта, нерва, облас** (область), **часть** (счастье) и т. п. Вслед за существительными следуют прилагательные, представляющие собой усеченные формы, оканчивающиеся на **-ив, -аль/ -ль, -ион/ -цион/ -ацион**: **прогрессив, колониаль, революцион**; усеченные формы прилагательных, у которых последний звук основы **ч** заменяется звуком **к**: **социалистик, фантастик**.

В современном крымскотатарском литературном языке нет чистых глаголов, заимствованных из русского языка, однако в устной речи крымских татар довольно часто встречается составная глагольная форма, образованная при помощи инфинитива иноязычного глагола и крымскотатарских вспомогательных глаголов **этмек, япмакъ**: **включать этмек** — включать, **звонить япмакъ** — звонить. Среди заимствованных слов из русского языка в крымскотатарском нет местоимений, а числительные представлены единичными словами: **миллион, миллиард**. Русские заимствования полностью отсутствуют среди крымскотатарских союзов, частиц и модальных слов.

В крымскотатарском языке имеется большое количество калькированных с русского слов и словосочетаний. Они подразделяются на два вида: структурные или словообразовательные (**ишсизлик** — безработица, **ишташлав** — забастовка, **планлаштырмакъ** — планировать, **бешйыллык** — пятилетка, **юк котэрюв къабилиети** — грузоподъемность) и сематические (**пытакъ** — отрасль, **серги** — выставка, **Баш** — генеральный). При создании семантической кальки используется уже имеющееся, исконное слово, но ему придается новое лексическое значение.

Под влиянием русского языка в крымскотатарском появились новые фонемы **ц, ж, щ**, а также закрепились в нем губно-зубные

фонемы **в, ф**, которые начали усваиваться вместе с иранскими и арабскими заимствованиями.

Воздействие на крымскотатарский язык русского языка (или через русское посредство) было длительным и необычайно продуктивным. Этот процесс продолжается до сих пор. Но крымскотатарский язык, как и любой другой язык мира, впитал в себя многое от других языковых систем.

Об иранских заимствованиях мы уже говорили (в связи с формированием народа, см. ч. I, гл. 2 данной работы). Лексика крымскотатарского языка значительно пополнилась в свое время и за счет арабизмов. Арабские слова (среди иноязычных они составляют более 18%) были заимствованы в результате политических, экономических, культурных контактов крымских татар с арабами.

Распространение ислама на территории Крыма, а вместе с ним и усиленное проникновение арабских элементов в лексический состав крымскотатарского языка относится к XIII-XIV вв. С принятием ислама арабская лексика вошла в язык крымских татар вместе с мусульманской культурой: в Крым пришло арабское письмо, богословские книги, духовные школы, новые (взамен тюркских или параллельно с ними) личные имена.

Одним из основных источников усвоения арабской лексики крымскотатарским языком был персидский (иранский) литературный язык, о чем свидетельствует употребление значительного количества арабизмов с иранскими словообразовательными элементами. Например, в заимствованных производных словах **авес+кяр** (любитель), **иле+кяр** (хитрый, плут), **ватанпервер** (патриот), **шаркъ+шынас** (востоковед), **давет+наме** (приглашение), **китап+хане** (библиотека) первые компоненты по происхождению арабские, а вторые словообразующие компоненты — персидские.

По степени усвоения крымскотатарским языком арабские слова делятся на две группы. Одну из них составляет большинство арабизмов, прочно усвоенных крымскотатарским языком: они подверглись различным семантическим, фонетическим и морфологическим изменениям, широко употребляются в литературном и разговорном языке. Например, **ава** (воздух, погода, климат), **аят** (жизнь), **беля** (несчастье, беда), **гъам** (горе, печаль), **сабыр** (терпение), **урьмет** (уважение), **азиз** (дорогой) и др. Входящие в эту группу арабизмы служат основой для образования новых слов, составляют синонимические ряды, омонимические и антонимические пары как с исконными, так и с другими заимствованными словами.

Другая группа арабизмов глубоко не освоена крымскотатарским языком, почти не употребляется в разговорной речи и встречается, главным образом, в периодической печати, художественных и научных произведениях. Например: **магъллюбиет** (поражение), **зафер** (победа, триумф), **истикъамет** (прочность, твердость), **мефтун** (пораженный, восхищенный, очарованный), **мефкуре** (мышление), **мутефеккир** (мыслитель, философ) и т. п.

Неодинаковая степень освоения арабизмов крымскотатарским языком, по-видимому, свидетельствует о длительности процесса их заимствования и различных путях проникновения. В настоящее время трудно точно определить время заимствования большинства арабизмов, тем не менее об употреблении некоторых из них в крымскотатарском языке уже в XIII в. свидетельствует наличие их в памятнике половецкого языка «Codex Cumanicus». В этом словаре зафиксировано около 140 арабских слов, основная часть которых употребляется и в современном крымскотатарском языке в том же значении и в том же фонетическом оформлении (или с незначительными семантическими и фонетическими изменениями).

Функционирующие в современном крымскотатарском языке арабизмы можно квалифицировать по следующим тематическим группам:

1. Общественно-политическая жизнь: **мемлекет** (страна, государство), **ватан** (родина), **веляет** (область, страна, государство), **укюмет** (правительство), **сиясет** (политика), **векиль** (представитель, уполномоченный), **реис** (председатель), **меджлис** (собрание) и др.

2. Воспитание и обучение: **тербие** (воспитание), **тертип** (порядок), **талебе** (ученик), **мектеп** (школа), **китап** (книга), **дерс** (урок, лекция), **суаль** (опрос), **джевап** (ответ) и т. п.

3. Отрасли науки: а) языкознание: **ариф** (буква), **эджа** (слог), **сатыр** (строчка), **исим** (существительное), **сыфат** (прилагательное), **замир** (местоимение), **зарп** (наречие), **фииль** (глагол), **нокъта** (точка), **имля** (орфография) и т. п.; б) литературоведение: **эдебият** (литература), **шаир** (поэт), **шаире** (поэтесса), **эсер** (произведение), **икъе** (рассказ), **шиир** (стихотворение), **къафие** (рифма) и др.; в) география: **шималь** (север), **дженюп** (юг), **шаркъ** (восток), **гъарт** (запад), **къутуп** (полюс), **уфукъ** (горизонт и др.); г) другие науки: **фельсефе** (философия), **тарих** (история), **илим** (наука), **асыр** (век), **саат** (часы) и др.

4. Военное дело: **арбий** (военный), **силя** (оружие), **эмир** (приказ), **джебе** (фронт), **уджюм** (нападение, атака), **мудафан** (за

щита, оборона), **теслим** (сдача, капитуляция), **эсир** (плешный), **аскер** (солдат) и др.

5. Природные явления и стихийные бедствия: **нур** (свет, луч), **зельзеле** (землетрясение), **афат** (стихийное бедствие), **сель** (поток воды, стекающий с гор после дождя) и др.

6. Издательское дело: **матбуат** (типография, печать), **нешир** (издание, печатание), **джылт** (переплет) и т. п.

7. Постройки, сооружения, предметы быта, мебель: **бина** (здание, сооружение), **раф** (полка, ниша в стене для хранения домашней утвари), **зембиль** (корзина), **макъас** (ножницы), **къаде** (рюмка), **курсю** (табуретка, стул), **софра** (стол) и др.

8. Продукты питания, напитки: **эльва** (халва), **хамыр** (тесто), **шарап** (вино) и т. п.

9. Анатомические названия частей тела человека, его духовные и физические качества: **кафа//къафа** (голова, череп), **зафра** (желчь), **къальп** (сердце, душа), **акъыл** (ум, разум), **ираде** (воля), **истидат** (способность), **авес** (желание) и др.

10. Религия: **алла** (бог), **дин** (религия), **Къоран** (Коран), **молла** (мулла), **теспи** (четки), **эзан** (утренняя молитва) и т. п.

11. Имена собственные — а) мужские: Абдулла, Айдер, Асан, Закир, Мустафа, Раим; б) женские: Адиле, Зейнеп, Мерьем, Муншвер, Эмине и др. В современном крымскотатарском языке большинство (более 90%) собственных имен заимствовано из арабского и иранских языков.

Таким образом, функционирующие в современном крымскотатарском литературном языке арабские слова связаны, в первую очередь, с общественно-политической деятельностью, государственным управлением, различными отраслями науки, моралью и мусульманской культурой вообще.

Значительный пласт заимствованных слов в крымскотатарском языке представляют грецизмы. Некоторые из этих заимствований восходят, по-видимому, к раннему средневековью. Они — результат непосредственных контактов. Более поздние грецизмы пришли в крымскотатарский язык через русское посредничество.

Ранние грецизмы (т. е. непосредственные заимствования) могут быть разделены на следующие тематические группы.

1. Ландшафт: **ялы** (берег моря), **корфер** (залив), **лимен//лиман** (залив с морской водой в устье реки) и др.

2. Растительный мир: **фындыкъ** (фундук), **ахлап** (дикая груша), **мантар** (гриб), **нилюфер** (водяная лилия), **пападие** (ромашка), **чам** (сосна), **кестане** (каштан) и пр.

3. Предметы быта, домашнего обихода, мебель: **фенер** (фонарь), **хуны** (воронка), **скемле** (скамья) и т. д.

4. Строительные материалы, постройки, сооружения: **тула//тола** (кирпич), **керамет** (черепица), **келер//килер** (подвал, чулан), **таван** (потолок), **фурун** (пекарня) и др.

5. Посуда, пища: **тепис//тепси** (блюдец), **пите** (лепешка), **пет-мез** (варенье), **пексимет** (сухари) и пр.

6. Земледелие, виноделие, табаководство: **кубре** (удобрение), **чобре** (виноградные выжимки), **демет//демент** (связка высушенных листьев табака) и пр.

7. Человек, его свойства и социальное положение: **искелет** (скелет), **пис** (грязный, неопрятный), **пусюр** (неряшливый), **ыргъат** (батрак) и др.

8. Имена собственные: **Сафие** (жен.), **Фети** (муж.).

9. Вера, религия: **кильсе** (церковь), **папаз** (священник), **манастыр** (монастырь) и др.

Таким образом, словарный состав крымскотатарского языка формировался в двух основных пластах — тюркском и заимствованном. Тюркский пласт состоит из общетюркского слоя, общекрымчакского и огузского слоя, а также исконной лексики, образовавшейся на крымскотатарской языковой почве. Наибольшее количество заимствований пришло в крымскотатарский язык из арабского, персидского, русского, греческого языков.

После выселения крымских татар из Крыма (18 мая 1944 г.) и ликвидации Крымской АССР сфера функционирования крымскотатарского языка резко ограничилась, и этот язык стал употребляться только в быту, семейном кругу. Лишь с 1957 г. в Ташкенте на крымскотатарском языке начала выходить газета «Ленин Байрагы» («Ленинское знамя»), а затем и журнал «Йылдыз» («Звезда»). Общественные функции крымскотатарского языка в последние годы значительно расширились. В Крыму и Узбекистане крымскотатарским детям в школах преподают как предмет родной язык и литературу. В Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами на факультете русской и крымскотатарской филологии с 1968 г. функционирует дневное отделение крымскотатарского языка и литературы, создана специальная кафедра. Такое же отделение открыто в Симферопольском государственном университете им. М.В.Фрунзе в 1989 г.

В Крыму выходят три крымскотатарских журнала — «Ватан», «Йылдыз», «Къасевет» и четыре газеты — «Янъы Дюнъя» (быв. «Ленин Байрагы»), «Къырым» (быв. «Достлук»), «Ан-

дет», «Арекет». На крымскотатарском языке периодически ведутся теле- и радиопередачи по местному и республиканскому (в Крыму, Узбекистане) телевидению и радиовещанию.

Расширению общественных функций крымскотатарского языка способствуют развитие оригинальной художественной литературы, издание учебно-методической и научной литературы для школ и высших учебных заведений.

Одним из виднейших представителей отечественной тюркологии В. В. Радловым был собран и издан богатый материал по диалектам, этнографии и устному народному творчеству крымских татар²⁰.

Описание вокализма и консонантизма, некоторых вопросов морфологии, синтаксиса и лексики огузизированного диалекта крымскотатарского языка посвящена работа В. А. Борогодицкого «О крымско-татарском наречии»²¹. Наиболее крупным лексикографическим трудом до настоящего времени остается «Полный русско-татарский словарь крымско-татарского наречия»²², составленный преподавателем Симферопольской русско-татарской министерской школы Османом Заатовым. Этот словарь включает более 10 000 слов и словоформ.

В истории изучения крымскотатарского языка и фольклора видное место занимает научная деятельность А. Н. Самойловича. Ему принадлежит издание «Опыта краткий крымско-татарской грамматики»²³ и серии статей, посвященных исследованию ханских ярлыков.

Первая научная грамматика крымскотатарского языка, состоящая из трех разделов, была издана Б. Чобанзаде²⁴.

В 1935 г. Н. К. Дмитриев возглавил Крымскую языковую экспедицию, которая была организована для научного изучения крымскотатарского литературного языка и его диалектов. Итогом ее была публикация отчетных статей Н. К. Дмитриева и И. Х. Юманкулова²⁵.

Грамматический строй крымскотатарского языка наиболее полное отражение нашел в школьных учебниках Э. Куртмоллаева²⁶ и А. Ислямова²⁷, а также в учебнике для студентов-филологов педагогических институтов А. Меметова²⁸.

Значительный интерес представляет очерк Э. В. Севортяна «Крымско-татарский язык»²⁹, в котором приводятся сведения о фонетической, морфологической и синтаксической структуре современного крымскотатарского языка. В работе К. М. Мусаева «Лексика тюркских языков в сравнительном освещении»³⁰ ис-

следуется лексика малоизученных языков западноыпчакской группы, в том числе и крымскотатарского.

Одна из последних лексикографических работ — «Крымско-татарско-русский» словарь», составленный коллективом авторов³¹.

Исследованию лексики крымскотатарского языка, изучению его контактов с другими языками посвящена серия статей автора этой работы³². Им изданы также монографии. «Источники формирования лексики крымскотатарского языка», «Иноязычные заимствования в крымскотатарском языке» и «Русско-крымскотатарский разговорник»³³.

ЛИТЕРАТУРА

1. Серебренников Б. А. О взаимосвязи языковых явлений и их исторических изменений. — Вопросы языкознания, 1964, № 3. — С. 23.

2. Самойлович А. К истории крымско-татарского литературного языка. Вестник научного общества татароведения. Казань, 1927, № 7. — С. 27.

3. Чобанзаде Б. Тюрко-татарская диалектология. Баку, 1927. — С. 27.; Севортян Э. В. Крымско-татарский язык. — Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. — С. 257.

4. Севортян Э. В. Ук. соч. — С. 257.

5. Дмитриев Н. К. Крымская языковая экспедиция. — Революция и письменность, № 2. М., 1936. — С. 163.

6. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975. — С. 7.

7. Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России. Л., 1982. — С. 250.

8. Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению Императорской Академии Наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел. Издал В. В. Вельяминов-Зернов. СПб, 1864. — 941 с.

9. Мухаммед Риза. Ассеб ас- Сейяр. Казань, 1832. — 344 с.

10. Радлов В. В. Образцы народной литературы северных турецких племен. Ч. 7. Наречия Крымского полуострова. СПб, 1896. — 527 с.

11. Ашык Умер. Диван. Бахчисарай, 1894; Ташкент, 1988. О Мустафе Джевахерий см.: журн. «Йылдыз». Ташкент. 1983, № 3; 1984, № 2; 1988, № 4.

12. Об этом см.: Бернштам А. Н. Очерк истории гуннов. Л., 1951. — С. 166; Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». Л., 1979. — С. 40.

13. **Прокопий из Кесарии.** Война с готами. М., 1950. — С. 297-298.

14. **Пашуто В. Т.** Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. — С. 108.

15. **Кононов А. Н.** История изучения... — С. 20.

16. Библиографию по данному вопросу см.: **Кононов А. Н.** История изучения... — С. 328-334.

17. В скобках указаны страницы из книги «Материалы для истории Крымского ханства», где встречаются заимствования из русского языка.

18. **Секиринский С. А.** Сельское хозяйство и крестьянство Крыма и Северной Таврии в конце XVIII — начале XX в. (1783 — 1917 гг.). — Автореф. дисс. докт. ист. наук. Львов, 1974. — С. 11-12.

19. **Маркевич А. И.** Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. Топонимические данные Крымских архивов. — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, № 2 (59) Симферополь, 1929. — С. 31.

20. **Радлов В. В.** Образцы народной литературы северных турецких племен. Ч. 7. Наречия Крымского полуострова. СПб, 1896. — 527 с.

21. **Богородицкий В. А.** Диалектологические заметки. V. О крымско-татарском наречии. — Этюды по татарскому и тюркскому языкознанию. Казань, 1933. — С. 88-103.

22. **Заатов О.** Полный русско-татарский словарь крымско-татарского наречия. Симферополь, 1906. — 120 с.

23. **Самойлович А. Н.** Опыт краткой крымско-татарской грамматики. Пг., 1916. — 104 с.

24. **Чобанзаде Б.** Кърымтатар ильмий сарфы. Акъмесджид, 1925, 188 с.

25. **Дмитриев Н.** Крымская языковая экспедиция. — Революция и письменность, сб. № 2, 1936. — С. 159-164; Юманкулов И. Х. К итогам Крымской экспедиции/Там же. — С. 165-168.

26. **Къуртмоллаев Э. А.** Татар тилининъ грамматикасы. Фонетика, морфология. Симферополь, 1940.

27. **Ислямов А.** Татар тилининъ грамматикасы. Синтаксис. Симферополь, 1940. — 120 с.

28. **Меметов А.** Татар тили грамматикасынынъ практикумы. Фонетика, лексикология, лексикография, морфология. Ташкент, 1984. — 152 с.

29. **Севортян Э. В.** Крымско-татарский язык. — Языки народов СССР. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. — С. 234-259.

30. Мусаев К. М. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975. — 357 с.

31. Асанов Ш. А., Гаркавец А. Н., Усеинов С. М. Крымскотатарско-русский словарь. — Киев, 1988. — 236 с.

32. Меметов А. Заимствования из русского языка в современном крымскотатарском языке. — Вопросы изучения и методики преподавания филологических дисциплин в вузе. Ташкент, 1978. — С. 39-51; Его же. Арабские заимствования в современном крымскотатарском языке. — Советская тюркология, — 1985, № 5. — С. 9-11; Его же. Русские кальки в крымскотатарском языке. — Советская тюркология, 1986. № 4. — С. 13-21; Его же. Фонетическое освоение русских заимствований в крымскотатарском языке. — Совет. тюркология, 1988, № 6. — С. 72-80 и др.

33. Меметов А. Источники формирования лексики крымскотатарского языка. Ташкент, 1988. — 112 с.; Его же. Иноязычные заимствования в крымскотатарском языке. Ташкент, 1990. — 122 с.; Его же. Русско-крымскотатарский разговорник. Симферополь, 1990. — 113 с.

ПРОФЕССОР АЙДЕР МЕМЕТОВ

Коротко об авторе

Айдер Меметов родился 22 марта 1944 г. в селе Янджо Куй-бышевского (Албатского) района Крымской АССР. Депортирован вместе с родителями в Костромскую область, Кологривский район, поселок 6-й километр. В 1957 г. переехал в Узбекистан, вначале в колхоз «Дурмень» Орджоникидзевого района Ташкентской области; затем — в столицу республики.

В 1969 г. окончил с отличием ирано-афганское отделение восточного факультета Ташкентского государственного университета. С 1970 г. преподает в высших учебных заведениях введение в языкознание, общее языкознание, крымскотатарский и персидский языки. Защитил кандидатскую диссертацию по теме: «Иранские заимствования в современном крымскотатарском языке» (1975) и докторскую: «Источники формирования лексики крымскотатарского языка» (1989). Это первая докторская диссертация в области крымскотатарского языкознания.

Опубликовал более 60 научных работ, в том числе 8 книг: «Практикум по крымскотатарскому языку» (10 п. л.), «Источники формирования лексики крымскотатарского языка» (6,2 п. л.), «Русско-крымскотатарский разговорник» (5,5 п. л.), «Иноязычные заимствования в крымскотатарском языке» (6,8 п. л.) и др. Под руководством Айдера Меметова издан двухтомник классика крымскотатарской поэзии Ашыка Умера (35 п. л.).

Проф. Айдер Меметов создал свою языковедческую школу, руководит научной работой аспирантов и студентов, участвует как руководитель, рецензент и оппонент в подготовке и защите кандидатских и докторских диссертаций. На филологическом факультете Симферопольского государственного университета читает лекции по диалектологии, фонетике, лексикологии, фразеологии и морфологии крымскотатарского языка.

Айдер Меметов — руководитель секции по крымскотатарской филологии при республиканском Управлении народного образования, заместитель председателя научно-методического совета при Комитете по делам депортированных народов Крыма.

Айдер МЕМЕТОВ

КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ

(Историко-лингвистический очерк)

Редактор и корректор С. К. Сосновский

Технический редактор В. Ю. Голубева

Сдано в набор 20.04.93. Формат 60×108/16.

Бумага офсетная. Гарнитура литературная.

Печать высокая. Усл. печ. л. 3,02.

Уч.-изд. л. 2,6. Тираж 13 000 экз.

Изд. № 10, заказ № 1384.

Издательство «Анаюрт», 333000, Симферополь, ул. Горького, 30-1.

Гортипография, 333000, Симферополь, ул. Горького, 8.